

A hand is shown reaching up towards a keyhole in a dark, ornate door. The hand is illuminated with a blue and purple glow. The keyhole is a decorative brass piece with a face inside. The background is a dark, textured wall with some light effects.

ГЛЕБ КАЩЕЕВ

ДАРКСФОРД

NoSugar. Королевство

Глеб Кащеев

Дарксфорд

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кащеев Г. Л.

Дарксфорд / Г. Л. Кащеев — «Издательство АСТ»,
2023 — (NoSugar. Королевство)

ISBN 978-5-17-159454-1

Вике позавидовал бы любой другой десятиклассник: ведь она живет в шикарном коттедже на Новой Риге, а родители потакают любым ее капризам. Но мир рушится в один день: мать помещают в клинику, откуда она уже вряд ли выйдет, а отец отправляет Вику в закрытую частную школу-интернат, где набирают новый десятый класс, который пока будет единственным во всей школе. Все ученики делятся на две равные группы: дети богатых родителей и талантливые ребята из регионов, прошедшие строгий отбор. Естественно, обе группировки откровенно ненавидят друг друга, но скоро им придется сплотиться, ибо школа Дарксфорд — совсем не то, чем казалась в начале... Теперь перед всеми ребятами встает одна задача: выжить! Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159454-1

© Кащеев Г. Л., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава I. Вика	9
Глава II. Вика	14
Глава III. Вика	19
Глава IV. Вика	23
Глава V. Вика	31
Глава VI. Вика	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глеб Кашеев Дарксфорд

© Кашеев Г., 2024

© Кривоги́на А., иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Пролог

До того рокового утра Вика видела мать настолько испуганной всего дважды.

Первый раз произошел так давно, что память местами была окутана туманом и выдавала только короткие отрывки, запомнившиеся большей частью яркими эмоциями, а не смыслом.

Вроде бы это было у врача. В семь лет ее решили отдать в балетную студию. Это была не частная подвальная секция, где ради денег готовы на все, а настоящая балетная школа с именем, хоть и открывшая филиал поближе к элитным поселкам Новой Риги и Рублевки. Прежде чем допустить новенькую к занятиям, тренер строго потребовала справку от врача, что у девочки все в порядке с сердцем.

Вика тогда так ужасно расстроилась и раскапризничалась, что, вместо того чтобы надеть красивые белые колготки и юбку и начать танцевать, ее потащили по всяким кабинетам частной клиники. Всего медосмотра она не помнила. Когда ей больно укололи палец иголкой, чтобы выдавить каплю крови, Вика терпела и даже не заплакала. Все остальные врачи пролетели как-то легко и в памяти совершенно не задержались, а вот тот странный кабинет, где ее облепили щекотными присосками и попросили лежать спокойно, отпечатался намертво.

От присосок было щекотно, и мурашки от них расплзались по всему телу так, что Вика периодически хихикала.

Врач сидела рядом, смотрела на бумажную ленту, хмурилась и постоянно журила ее, чтобы Вика не дергалась. Напряжение в голосе врачихи нарастало, и Вика поняла, что, не будь за тонкой дверью мамы, она бы и наругалась даже. Пришлось постараться забыть про мурашки и лежать смирно-смирно и тихо-тихо. Она старалась даже дышать поменьше, но настроение докторши не улучшилось.

Врачиха взяла ленту в руки с очень серьезным и обеспокоенным лицом и вышла к маме. Они о чем-то долго говорили, и через приоткрытую дверь Вика видела, как у мамы медленно исчезает с губ вежливая улыбка, сменяясь очень напряженным выражением.

Но это был еще не страх.

С этого момента Вика помнила уже все очень хорошо, потому что ощущала: что-то пошло не так. Мама долго и нервно звонила по телефону, пытаясь куда-то срочно записаться, а когда это вроде бы удалось, посадила Вику в машину и ехала молча. В зеркальце с заднего сидения Вика видела только ее нервно сжатые губы. Автомобиль неожиданно остановился у высокого незнакомого здания.

«Мы сейчас к еще одному доктору зайдем», – взволнованно сказала мама, помогая ей вылезти из машины.

Это мрачное место совсем не походило на их цветастую клинику на Рублевке. Серые снаружи стены внутри были болезненно-зеленоватыми. Все врачи и медсестры ходили с серьезными лицами, никто не улыбался и даже не пытался сюсюкать, как это обычно случалось в тех местах, где они бывали с мамой. Почувствовав общее напряжение, Вика сидела на банкетке молча и только иногда искоса поглядывала на нервно теребящую край кофты маму.

В новом мрачно-холодном кабинете Вику еще раз облепили присосками, только на этот раз еще и на голову нацепили смешную шапочку из проводов. Она уже знала, что нужно лежать тихо, как мышка. Маму опять попросили подождать в коридоре.

Терпеть на этот раз пришлось намного дольше. Она очень скучала и хотела, чтобы это все поскорее закончилось, но под конец даже чуть не заснула. Когда Вике наконец разрешили выйти в коридор, то, наоборот, маму позвали в кабинет и очень долго не выпускали. Через пару минут туда же прошли еще два доктора.

Разговор за дверью был очень напряженный, но слов было не разобрать. То ли из-за волнения, то ли действительно так и было, но коридор тогда казался Вике давящим, ужасно душ-

ным и темным. Она не знала, как бывает в тюрьмах, но она представляла, что вот примерно так же, как и здесь: человек бесконечно сидит на жесткой лавочке, а вокруг страшно, плохо и тяжело.

Вика не выдержала, подошла на цыпочках, приоткрыла дверь и осторожно заглянула в щелочку.

Подлая дверь все-таки скрипнула, и ее услышали все. Мама обернулась на шум, и вот тогда-то Вика в первый раз в жизни и встретила ее испуганные глаза. Такие, которые никогда до этого не видела. Главный врач строгим голосом попросил закрыть дверь. Вика послушалась, села обратно на банкетку и тихо заплакала от испуга. Она хорошо чувствовала маму, и смертельный ужас с этого момента пропитал и ее насквозь.

Коридор теперь создавал ощущение больниц из фильмов ужасов, а выражения лиц всех проходящих мимо людей казались зловещими.

Неожиданно к ней подошел папа. Это было вообще невыносимо: чтобы он отвлекся от работы и вот так сорвался в середине дня... и это пугало еще больше. Значит, что-то случилось такое... из ряда вон.

Папа коротко погладил Вику по голове с непонятым отстраненным выражением лица и тоже прошел в кабинет.

Как только закрылась дверь, Вика не выдержала, сорвалась с банкетки и припала ухом к замочной скважине. Слышно было только врача, да и то плохо. Вика разобрала всего одну фразу: «Я понимаю ваше состояние. Крепитесь, вы должны с этим справиться».

Тут громко и раздраженно заговорил папа. В таком состоянии он бывал нечасто. Когда отец по-настоящему выходил из себя, голос его становился намного выше, как у женщины. Только при этом очень жесткий и страшный. Вот сейчас как раз был такой момент. Папа возмущался, кричал, что не понимает, чего они ждут, что его не интересуют правила этой шарашкиной конторы и он найдет более опытных врачей в Германии, которые разберутся, и что они сейчас же поедут домой.

Врач что-то спокойно возражал.

Ничего не было понятно. Вика вернулась на место, уселась на краешек банкетки и опять начала бояться, но уже не так, как раньше. Папа сильный, он разберется. Сейчас их отпустят, и они вернутся в свой коттедж.

За дверью еще некоторое время ругались, но вскоре в кабинет зашли еще два каких-то очень одинаковых человека в темно-серых костюмах. Не охрана – те были здоровые, глупые и ходили в черном, а у этих лица умные, хоть и какие-то безликие. Посмотришь, а через минуту уже и не вспомнишь как человек выглядел.

Ругань тут же стихла. Вика уже ничего не понимала.

Через несколько минут из кабинета появился папа и как-то странно посмотрел на нее. Вышли двое в костюмах, кивнули отцу и удалились. Выскочила мама все с такими же испуганными глазами, подбежала и сгребла Вику в охапку, как будто хотела защитить непонятно от кого.

– Мама, мне здесь не нравится! – прошептала Вика ей на ухо. – Поехали домой!

– Да, поедем, дочка. Сейчас поедем, – шептала мама.

Вика надеялась, что весь этот ужас бесследно прошел, они вернутся и все будет как раньше, но родители после больницы сильно изменились. Мама все время была бледной и взволнованной, а папа вел себя с Викторией очень отстраненно и даже на ночь почему-то перестал целовать. По вечерам, когда родители думали, что Вика уже спит, они часто ругались, а она слышала это и тихо рыдала в подушку.

Так продолжалось целую неделю, пока мама тоже не съездила к какому-то врачу. Вика подслушала, как она вечером сообщила папе:

– Видишь. Они ошиблись. Это просто наследственное. У меня все то же самое, и ничего. Дожила же до сих пор.

– И что, в детстве ЭКГ этого не выявило? – с сомнением спросил он.

– Какое ЭКГ в моем мухосранске? Я ж в цивилизацию переехала, только когда поступила в нашу академию. А медосмотры у нас сам знаешь какие в студенчестве были. Можно было легко забыть, что я и делала.

– Ладно. Наследственное, так наследственное. Ну и слава богу! – облегченно вздохнул отец.

И после этого разговора все стало так, как было раньше.

Правда в балетную студию ее так и не отвели.

* * *

Во второй раз смертельный ужас в глазах мамы Вика увидела намного позже и тоже совершенно ничего не поняла, хоть ей и было уже лет десять или одиннадцать. В памяти вообще не осталось, куда они тогда ехали. Что-то связанное со школой и будущей профессией. То ли какая-то профориентация, то ли тестирование на склонности к различным наукам. Записывались туда задолго, и мама очень старалась не забыть и не пропустить нужную дату, а вот что именно это было – так и осталось загадкой, потому что Вика с мамой туда так и не попали.

Мама долго рулила по переулкам в центре вокруг нужного адреса в поисках свободного места и припарковалась черти где. Пришлось пройти через три мрачных подворотни, тщательно сверяясь с навигатором, чтобы оказаться в дурно пахнущем дворе у невзрачной железной двери.

– Нам вообще точно туда? – скептически скривившись, спросила Вика.

Мама сверилась с навигатором, кивнула и нажала кнопку домофона. Тот что-то невнятно прохрипел.

– Мы в центр, на тестирование, – сказала она.

Замок щелкнул. Мама распахнула дверь и замерла. Вика не поняла, что случилось, и заглянула через ее плечо.

Как это часто бывало в старых московских подъездах, за относительно новой железной дверью скрывалась старая, деревянная, окрашенная уже облупившейся ярко-синей краской насыщенного ультрамаринового оттенка. Вика подумала, что мама остановилась, чтобы пропустить ее вперед, и протянула руку, чтобы помочь открыть вторую дверь, но мать неожиданно сильно схватила ее за плечо и отдернула так резко и больно, что Вика отлетела назад, чуть не упала в хлюпкую мартовскую грязь.

Она вскрикнула и удивленно уставилась на маму – чего это она вдруг? И тут у нее по спине побежали ледяные мурашки, потому что во взгляде матери был такой ужас, которого она не видела с того самого медосмотра.

Мама отпрыгнула от подъезда так, словно там прятался маньяк, схватила Вику за руку и в панике бегом потащила ее прочь. Она была так испугана, что даже забыла, где оставила машину, и еще минут пять металась по лабиринту подворотен Остоженки, как птица по клетке в поисках выхода. Выскочив в нужный переулок, мама запихнула Вику на переднее сидение, хотя бустер, на котором ей тогда еще полагалось сидеть, был на заднем, прыгнула в машину и газанула так, словно за ними гнались.

Они никогда больше не обсуждали того, что произошло. Вика чувствовала, что мама как будто стыдится своей странной реакции, и решила не расспрашивать, а мама сама никогда не возвращалась к этой теме. И про тестирование то тоже больше никогда речь не заходила.

Глава I. Вика

Вика проснулась от какого-то шума и некоторое время недоуменно рассматривала непривычные солнечные блики на потолке. Мозг, как это часто бывало по утрам, начинал работать постепенно.

Она сладко улыбнулась в предвкушении сегодняшнего дня. За неделю до школы вся их компания подружек наконец собралась в Москве после разнообразных курортов, так что вчера они договорились встретиться в ближайшем торговом центре в районе обеда и всласть поболтать. Вика по всем ужасно соскучилась.

Конечно, сначала они все вместе прошвырнутся по магазинам, поедят и потрепятся, скорее всего в Сыроварне или соседнем с ней ресторанчике. Потом, может быть, и в кино заглянут, если там идет что-то стоящее... Вика уже и с папой договорилась, что его водитель, как отвезет отца на работу, будет в ее полном распоряжении до вечера.

Только минут через двадцать, повалявшись еще в постели, Вика поняла, что что-то не так. Солнце заглядывало к ней в спальню только после десяти утра. Да и вообще как-то непривычно было ощущать себя выпавшейся. Ее почему-то не разбудили. А как же мамина идея, что к школе нужно готовиться и входить в рабочий режим заранее? Вчера ее подняли аж в восемь, а сегодня обещали еще раньше, чтобы к первому сентября она была не сонной клушей, а свеженькой, готовой к впитыванию знаний десятиклассницей. Идея работала хреново, и вчера Вика весь день отчаянно хотела спать. А сегодня с чего вдруг такая роскошь?

Она глянула на смартфон: половина одиннадцатого. Как-то совсем непохоже на родителей.

Вика накинула халатик и пошлепала босиком в сторону кухни-гостиной. Открыла широкие створки двери и замерла, наткнувшись на преисполненные ужаса глаза мамы.

Мать стояла у плиты бледная, растрепанная, в одной ночной рубашке, хотя всегда первым делом утром приводила себя в порядок. С выражением искренней паники на лице она непрерывно растерянно оглядывалась, словно не могла понять, где находится.

На кухню вбежал взволнованный отец с телефоном в руках и бросился к ней:

– Наташа, зачем ты встала опять? Пойдем, пойдем. Сейчас приедет скорая...

Папа обнял маму за плечи и аккуратно, словно маленького ребенка, повел в сторону спальни.

– Пап? Что происходит? Что случилось? – испуганно спросила Вика.

Мама дернулась на звук ее голоса, обернулась все с тем же преисполненным ужаса взглядом и сбивчиво, непривычно и хаотично меняя интонацию, почему-то глотая окончания слов, заговорила:

– Не сопротивляйся! Беги! Доченька! Беги! Не бойся! Не сопротивля... Я не своя! Не своя... Я не смогла. Ты сможешь. Только не бойся. Смелой... не сопротивля...

Вот тут Вика испугалась по-настоящему.

– Папа! – крикнула она, требуя и его внимания.

Отец обернулся и нервно огрызнулся:

– Марш к себе! Я не знаю, что случилось! Маме плохо. Она проснулась такой. Скорую уже вызвал. Хотя нет. Помогите ее уложить!

Вика подбежала, взяла маму под руку и поразилась, какая она горячая. Температура была, наверное, под сорок.

– Это бред, да? Папа? Она заболела?

– Я не знаю! – раздраженно крикнул он.

Вдвоем они отвели маму в спальню и уложили на кровать. Вике пришлось сидеть рядом, потому что та пыталась все время встать и куда-то идти и успокаивалась, только когда чувствовала, что дочь держит ее за руку.

Мама продолжала бредить. Чаще всего повторяла: «Не бойся, не сдерживайся, беги». А один раз вообще до смерти напугала Вику: резко села на кровати с широко открытыми от ужаса глазами и громко заявила куда-то в пространство перед собой: «Она близко! Она рядом! Я чувствую!»

Приехала скорая. Врач выслушал отца, быстро осмотрел маму, измерил температуру, зачем-то снял кардиограмму, нахмурился и приказал грузить больную в машину. Диагноза от него добиться не удалось, кроме того, что это может быть что угодно – в том числе проявление инсульта, и по-этому маму сразу повезут в реанимацию.

Место в машине скорой было только одно, так что поехал папа, а Вика осталась одна в большом доме ждать новостей.

Конечно, ни о какой встрече с подружками речи уже быть не могло. Она прорыдала почти все три часа, пока не вернулся отец.

По его мрачному лицу она сразу поняла, что дело плохо. Даже спрашивать не решилась, так и стояла молча в коридоре, закусив губу, и смотрела, как он разувается.

Папа замер, так и не надев один тапок.

– Маму поместили в неврологию в реанимацию, – вздохнул он, отвечая на немой вопрос.

– Что с ней?

– Врачи пока не знают. Энцефалограмма показывает, как будто поражен мозг, а МРТ ничего не видит. Это точно не инсульт.

– И что это значит? Когда ее вылечат? – тихо спросила Вика.

– Они даже не знают, что это. Какие тут прогнозы? – сказал он. Уголки его губ были напряжены и опущены вниз. Вика знала, что папа говорит так, только если сильно переживает, сдерживается и ему очень больно.

– Она что... никогда уже не вылечится? – прошептала она.

– Никто не знает. Если они найдут причину, то врачи говорят, что мозг постепенно может восстановиться, но сколько времени займет этот процесс и каков будет результат, предсказать никто не может. Реабилитация будет длиться годами. И это если повезет.

– Повезет! Обязательно повезет! Она поправится! Я верю! Мама сильная! Когда к ней можно приехать и навестить?

– Нескоро. Сейчас она в реанимации. И ей нужна стерильность, так что посетителей не пустят еще минимум неделю, а может и больше, пока не найдут причину того, что с ней произошло. Потом врачи решат, когда ей можно общаться с нами и... вообще можно ли.

– Что значит решат? Ей же нужна наша поддержка! Так ей будет проще справиться.

– Мама перестала меня узнавать, когда мы доехали до больницы. Я не знаю, что она способна понимать, а что нет. Возможно, чтобы не травмировать ее и нас, потребуется сначала долгая реабилитация, и только потом ей разрешат посещения.

После этих слов папа сел на банкетку в прихожей, закрыл лицо руками и всхлипнул. Вика молча смотрела на его босую ногу без тапки, а на душе у нее расплзалась темная туча предчувствия катастрофы. Ничего уже не будет как раньше. Ни маминых ласк, ни блинчиков по утрам, ни совместных ужинов. Ничего. Весь радужный мир Вики рухнул за один день.

Она ушла к себе в спальню, но даже рыдать не было сил. Внутри царила щемящая пустота. Все разом потеряло смысл. Не хотелось даже читать школьные чаты, ожившие в преддверии начала учебного года. Она тупо сидела и смотрела на пасмурное небо.

* * *

Вечером у их дома остановилась черная машина. Марку Вика не разобрала, но не бумер и не мерс, как у папы, хоть тоже большая и явно дорогая. Из авто вышли двое в темно-серых костюмах и позвонили в калитку.

«Странно, кого это папа ждет?» – подумала она. Вряд ли он в лучшем состоянии, чем она, и деловые встречи сейчас выглядели дикостью.

Однако калитка распахнулась – значит отец впустил гостей. Он даже вышел на крыльцо чтобы их встретить.

Очень странно.

Вика подождала минут десять – вдруг все-таки это просто визит-недоразумение. Но нет, судя по всему, папа с незнакомцами засел в гостиной основательно. Будут совещаться. Интересно, о каких делах он готов говорить в такой день?

Она тихо вышла из спальни, сняла тапки, оставшись только в носочках, чтобы издавать как можно меньше шума, и тихо начала спускаться по лестнице. Когда до первого этажа оставалось всего три ступеньки, она начала различать слова:

– Вы уверены? – спросил отец.

– Мы предупреждали вас еще тогда. Вы не поверили. Произошедшее вас не убедило? Вот вам еще случаи...

Дальше визитер начал говорить тише и активно шуршать бумагами, так что Вика перестала разбирать суть. Она сделала еще пару шагов ниже. Гостиная была теперь совсем рядом, за углом коридора.

– Там кто-то есть, – внезапно сказал второй незнакомый голос.

Раздался звук отодвигаемого кресла.

Вика тут же, стараясь не топтать, рванула вверх по лестнице. Сердце почему-то колотилось как бешеное, хотя что и кто ей сделает? Папа же максимум отругает.

Успела. Она присела на верхней площадке, так что ее снизу не было видно. Судя по шагам, это был отец. Он постоял у лестницы и вернулся в гостиную.

– Давайте пройдем в кабинет. Там хорошая звукоизоляция, так что нас гарантированно никто не услышит, – сказал он на ходу.

Это действительно было так. Отец специально вложил кучу денег в отделку кабинета так, что там можно было орать на подчиненных или слушать для успокоения рок на максимальной громкости, так, чтобы на басах все внутренности дрожали, а наружу за дверь ни звука не проникало. Теперь она никак подслушать не сможет.

Это что же? Он от нее прятался? В доме-то никого больше не было. Прислуга давно ушла в свой домик. Конечно, у отца бывали секреты на работе, когда он просто уходил от них с мамой в кабинет, но чтобы так демонстративно...

Она вернулась в спальню в бешенстве. О чем они вообще могли говорить? «Произошедшее»... уж не о маме ли речь? Тогда какие тайны могут быть от дочери? И как они могли предупредить о заражении вирусом? Когда? Нет, это точно бред. Наверняка что-то случилось на папиной работе. Там всегда были «архиважные» непонятные дела, требующие иногда вставать в три часа ночи, ездить в длительные командировки с географией от Нью-Йорка до Норильска и тому подобное.

Вика забралась на кровать, закуталась в плед и собиралась сидеть так, пока не уйдут гости, а потом пойти и потребовать объяснений у отца, но, видимо, нервы взяли свое, и она не заметила, как заснула.

Проснулась она опять поздно утром. На кухне хлопотала Зина, которую наверняка вызвал отец. Его самого уже не было. «Уехал по делам», – сообщила домработница.

Вика без аппетита поковыряла сырники, заставила себя проглотить хотя бы один. Желудок требовал еды, но есть все равно не хотелось. Она взяла чашку с какао и отправилась в спальню звонить отцу, а то у Зины были слишком длинные уши, как однажды выразилась мама.

«Абонент не доступен, оставьте...» – противным женским голосом сообщил смартфон. Вика в раздражении бросила его на кровать.

Вообще не слышано, чтобы папа был вне зоны действия или выключал телефон. У него просто фобия была – остаться без связи. Потому что ему в любой момент могли звонить с работы.

Она пробовала снова и снова, но в сети телефон отца так и не появился. Сидеть дома весь день было невыносимо. Ей просто необходимо было выбраться в город, но без присмотра своего водителя-охранника ее отец никогда не отпускал. Да и как до Москвы без его машины добраться? Если Вика вызовет шахид-такси, то папа ее точно приберет.

Так и пришлось тупо сидеть в комнате и ждать, когда он вернется. Зина накормила ее обедом, потом и полдником. Вика послушно поклевала, хотя нервы были на взводе и аппетит так и не вернулся. Если вчера она была в жуткой апатии, то сегодня носилась по своей комнате, как тигр по клетке. Нужно было что-то делать. Понятно, что к маме не пустят, но и торчать здесь, в этих стенах, где еще вчера она сидела рядом с испуганной, как ребенок, мамой, было невыносимо. Ей было нужно куда-то уйти, но тупо шататься одной по дорожкам коттеджного поселка тоже как-то не хотелось.

Отец вернулся только вечером, когда о прогулке уже и речи быть не могло – за окнами давно стемнело.

Вика выбежала в гостиную, надеясь с ним поговорить, но натолкнулась на столь чужой и холодный взгляд, словно она провинилась, хотя совершенно непонятно в чем.

– Пойдем сядем, нам нужно поговорить, – сказал он, как ей показалось, слегка раздраженно.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила она, но все-таки присела на барный стул у кухонного островка.

– Мне нужно уехать. Важнейшая командировка в Амстердам, потом в Нью-Йорк. На кону стоит многолетний проект, и я не могу это пропустить. Меня суммарно не будет больше месяца, с короткими перерывами. Да и потом проще не станет. До нового года я буду приезжать домой редкими набегами.

– Ну есть же Зина, не переживай, – осторожно сказала Вика, не понимая куда он клонит.

– Нет. Твое образование нельзя пускать на самотек. Особенно в этом году. Скоро поступление. Раньше с тобой занималась мама, но сейчас... – он замолчал, отвернувшись, пытаясь совладать с нахлынувшими эмоциями. Прошел к винной полке, достал бутылку и налил себе немного в бокал.

– Нанять гувернера, который будет отслеживать, как ты учишься и ходишь ли вообще в школу, я не успею. Тут нужен сверхнадежный и проверенный человек. Такие подбираются месяцами, а оставлять тебя сразу вот так на попечении непонятно кого я не могу и не буду.

– К чему ты клонишь? – с замиранием сердца спросила она.

– Тебе придется сменить школу. На время. Всего один учебный год. Я нашел частную школу-интернат для одаренных детей неподалеку. Этот год ты проведешь там. Я буду забирать тебя на каникулы. Про осенние не обещаю, но новый год точно встретим вместе...

– Папа не надо! У меня же друзья тут. Я не хочу!

– В том-то и дело, что у тебя в голове только друзья! – неожиданно вскипел он. – Не учеба, не твое будущее, а только тусовки! Так тебя мать держала в узде, следила за успеваемостью, общалась с учителями. Теперь... если тебя оставить одну, то все пойдет под откос. В новой школе у тебя будет персональный куратор, который будет следить за твоей траекторией обучения, и я буду спокоен.

– Так нельзя, пап! – крикнула Вика. – Ты меня добить решил? Сначала мама... теперь еще и друзей лишаешь? Никуда я не поеду! А если насильно отправишь, то сбегу! Я буду учиться только в своем классе и точка!

– Поедешь! И никуда ты оттуда не сбежишь! – рявкнул отец, и Вика внезапно поняла, что спорить бесполезно. Когда он так упирался, то даже мама отступала. На время. Она говорила, что лучше переждать, пока ослиное упрямство перегорит, и потом как-нибудь плавно переубедить.

– А как же мама? – растерянно спросила она. – Когда я ее теперь увижу?

Вика совершенно искренне начала плакать, хотя понимала, что отец примет это за тонкую манипуляцию.

– В новый год все и увидимся, – чуть смягчился он. – Раньше к ней вряд ли тебя пустят. Ей в ближайшие месяцы нужно душевное спокойствие. Врач сказал, что температуру сбили, процесс остановили, чтобы бы там ни было, но мама с трудом воспринимает реальность. Ей просто противопоказано волноваться сейчас.

Возникла долгая пауза.

– И когда? Когда ты отправишь меня в тюрьму? У меня хотя бы есть время встретиться и попрощаться с подругами? – всхлипывая, спросила Вика.

– Нет. Мы едем завтра утром. Это новая школа, и она только что открылась. Я сегодня ездил туда, познакомился с директором и все осмотрел. Замечательное, надежное место. Не бойся: вливаться в новый класс не придется. Там на сто процентов новый набор. Всех детей завтра собирают в первый раз и знакомят друг с другом и школой. Будет гораздо хуже, если ты приедешь позже, когда в классе все уже пообщаются и ты окажешься чужой белой вороной.

– Но завтра даже не первое сентября! – воскликнула она.

– Иди, собирай вещи. Нам рано вставать, – отрезал он и залпом допил вино.

Глава II. Вика

Сначала Вика вообще не хотела собираться. Вот что, интересно, сделает отец, если завтра она будет не готова к отъезду?

Она психовала, пинала ни в чем не повинную валяющуюся на полу одежду, ходила из угла в угол и представляла, какой завтра утром устроит скандал. Ее придется запихивать в машину силой на потеху всем соседям. Вот, интересно, как потом отец будет оправдываться и вообще осмелится ли так поступить?

Постепенно ее злость перекипела и изменилась. Вика не простила, что отец поступал с ней как с вещью, но обида на него теперь выросла настолько, что она, наоборот, больше не желала его видеть. У нее возникло то болезненное состояние, когда пытаешься сделать и себе, и всем остальным только больнее.

Отец не хочет ее видеть дома? Окей, она тоже не желает больше жить с ним! Ее лишают возможности встречаться с друзьями? Что же, она вообще ничего не напишет в чаты. Просто исчезнет! Пусть думают что хотят и беспокоятся. Сочтут, наверное, что она умерла. Может быть, даже кто-то всплакнет, позвонит ее отцу и пусть он тогда оправдывается. Раз уж отъезд был неизбежен, то Вике хотелось отрезать прежнюю жизнь окончательно, с кровью, прямо по живому.

Она нарочно взяла самый большой чемодан – мамин – и собрала вообще все вещи, которые были ей дороги. Так, как будто уезжает не до зимних каникул, а навсегда. Чтобы вообще не оставить ничего личного. Не только одежду, но и лучшие книги, свой дневничок со всякими тайнами, любимого плюшевого енота, подаренную мамой кружку и еще кучу дорогих мелочей.

В чемодан, конечно, все не влезло. Пришлось еще набить полный школьный рюкзак и еще большой пакет. Как она все это потащит там, в далекой и непонятной новой школе, ее пока не волновало. Если заведение частное и сильно платное, то там наверняка найдется носильщик или прислуга. Другое место папа бы и не выбрал.

Заснуть так и не получилось. Полночи она просто сидела на кровати и отчаянно жалела себя. Вика представляла, что будут думать о ее исчезновении одноклассники, какие начнут писать комментарии на ее странице, которую она теперь забросит и не будет вести из принципа. Как она гордо откажется приезжать к отцу на каникулы и вообще...

Тут Вика вспомнила, что только зимой она сможет повидаться с матерью, и ее пыл поутих. Если отец скажет, что мама дома или ее хотя бы можно навестить в больнице, то она, конечно приедет. Иначе фиг ему! Вика проживет в школе до июня, а если будет такая возможность, то и на лето останется.

Когда стрелка часов перевалила за три, она поняла, что скоро уже начнет светать и нужно все-таки вздремнуть. Улеглась в постель, но заснуть так и не получилось. Вика ерзала, крутилась, периодически погружаясь в полудрему, но тут же выныривала из нее. Одеядло было душное, а без него было холодно. Подушка тоже выбеживала тем, что нагревалась слишком быстро.

Утром она мучительно продрала глаза, подошла к зеркалу и увидела там девочку-панду. Черные волосы были растрепаны так, что больше походили на их старую швабру. Серые глаза ввалились от недосыпа, а вокруг них проявились темные круги.

Вика тихо сбегала в спальню родителей – отец уже давно был внизу, в гостиной – и утащила к себе мамину палетку и остальную косметику. Ей сегодня с новыми одноклассниками знакомиться, и в таком виде перед ними появляться нельзя!

Сначала она приняла душ и помыла голову. Не спеша. Пусть отец там внизу понервничает, зная, что она умеет зависать в ванне часами. Потом подкрасилась, нанося на лицо здоровые из маминой косметички. Вика выбрала сногшибательное платье, к которому не смог бы придаться даже самый строгий директор школы. Темно-синее, чем-то напоминающее мун-

дир, с двумя рядами золотых пуговиц на груди, воротником-стойкой и плиссированной юбкой умеренной длины. Ровно той, что не будет выглядеть по-ханжески, но и у взрослых не вызовет раздражение. Дополняли мрачновато-строгий образ черные плотные колготки и заколка в виде ведьмы на метле.

Вика выволокла в коридор огромный чемодан, рюкзак и пакет и только тогда спустилась на завтрак, зная, что они точно уже опаздывают и отец будет крайне недоволен. На предмет опозданий у него был настоящий пунктик.

Однако папа ничего не сказал. К ее удивлению, на кухне не было Зины, а завтрак, наоборот, присутствовал. Те самые блинчики, что обычно пекла мама.

– Ты что, сам приготовил? – от удивления она не выдержала и нарушила втайне объявленный отцу бойкот.

– Я знаю, что ты зла и считаешь меня дурным родителем, но я желаю тебе только добра, – сказал он, поливая блинчики топленным шоколадом. – Да, без мамы будет тяжело... и тебе, и мне. Надеюсь, что временно. Это меньшее, что я могу для тебя сделать, – он кивнул на завтрак.

Вика даже немного простила его. Не за блинчики, конечно, а за заботу. Все-таки это был любимый папа. Хоть и ужасно тупой и злой, не желающий понять, что делает ей только большее этой новой школой.

Она съела все подчистую и даже тарелку тайком облизала. Допивала какао уже в хорошем расположении духа, но как только они вышли за порог дома, настроение тут же опять испортилось. Вика мрачно посмотрела, как водитель запихивает чемодан и сумки в багажник, и молча плюхнулась на заднее сидение. Папа сел спереди.

Бессонная ночь тут же взяла свое, и Вика даже не заметила, как заснула так крепко, что пропустила вообще всю дорогу. Ее разбудил отец, когда машина уже стояла. Вика, еще не до конца отойдя от сна, выбралась наружу. Все пространство вокруг окутал довольно плотный туман, что было странным. Когда она садилась в машину, небо покидали редкие тучи и начинало проявляться солнце.

Она огляделась. На круглой площади можно было различить кучу премиальных машин. Дети в сопровождении родителей брели с чемоданами к дверям высокого здания в неоклассическом английском стиле. Эдакая современная подделка под то, каким, по мнению московского архитектора, должен был выглядеть Оксфорд, в котором тот, в отличие от Вики, никогда не бывал. В результате вышел какой-то убогий миниатюрный недохогвартс без башенок.

На двери красовалась готическая надпись «Даксфорд – Частная школа нового поколения».

Вика заметила, что вообще машин было как-то маловато, учитывая, что заезжать вроде как должна целая школа. Либо здесь классы по пять человек, либо остальные придут позже. Хотя вдаль виднелся еще желтый школьный автобус. Кто-то, наверное, мог приехать и на нем.

– Вадим, вы поможете с чемоданом? – обернулась она к папиному водителю и отметила, что он как-то неестественно бледен. – Вы в порядке? Хорошо себя чувствуете? – обеспокоенно спросила она.

Тот молча энергично покивал, но вышло это настолько неубедительно, что Вика даже заволновалась. Чем папа его так напугал? Было такое ощущение, что Вадим где-то накосячил по дороге и отец на него накричал и уволил. Хотя никакой ругани точно не было – Вика бы проснулась, да и машина ехала ровно. Что это значило, она не поняла. Взглянула на отца. Тот был крайне сосредоточен и смотрел только на двери школы.

Вика подхватила рюкзак и пакет, оставив чемодан на совести водителя, и направилась вслед за остальными детьми.

Холл школы оказался очень просторным, но собралось там учеников всего человек тридцать. Что за «заезд в школу», когда здесь один класс максимум. Те, кто приехал раньше, уже интуитивно разделились на группы – в дальнем от входа углу собралась странноватая компания

смешанного состава. За исключением пары фриков, парни и девушки в основном были одеты в стиле, который мама бы называла «провинциальная помпезность». Как будто некая тетушка из далекого мухосранска старательно нарядила любимое дитяtko на поездку «в люди».

Справа у другой стены стояли восемь парней в нормальных брендовых шмотках и громко ржали над нервными шуточками одного особо шумного высокого юноши в бейсболке «Make America Trump Again».

Напротив них щебетали шесть девушек, в которых Вика безошибочно распознала людей своего круга. И хотя только у парочки из них на одежде лейблы брендов кричали крупным шрифтом, но было заметно, что и остальные одевались далеко не в обычных торговых центрах с ширпотребом.

Выбора, куда прибиться, не было. Папа остался вместе с остальными родителями у двери, а она подошла к группе девиц.

– Привет всем. Я Вика, – заявила она с ходу.

Девушки, хоть и кучковались рядом, но, судя по всему, особо еще не познакомились. Вика невольно послужила катализатором процесса.

– Кстати, да. Мы что-то так и не представились. Софья, – улыбнулась и кивнула невысокая русоволосая девица с достаточно короткой стрижкой.

– Елизавета, – это было произнесено сухо, официально, с нервно сжатыми губами. Да и среди всех она единственная была одета в строгий деловой брючный костюм.

– Микаэла, – представилась невысокая, слегка пухленькая армянка с густой черной гривой.

Высокая блондинка, облепленная лейблами Гуччи, как новогодняя елка, свысока осмотрела Вику с головы до ног, но, видимо, сочла достойной ответа:

– Можете звать меня Ангелиной.

Девица в бежевом велюровом тренировочном костюме с высветленным до белого цвета каре отвлеклась от созерцания парней у другой стенки:

– Нет, вы только посмотрите, какой там крашик стоит. Ах, да... я Лика. Очень приятно.

– Где? Где крашик? – тут же заинтересовалась Софья и обернулась. Елизавета только брезгливо поджала губы. Остальные даже не дернулись. Вика не выдержала и тоже мельком глянула, куда смотрят девушки. Среди группы провинциалов действительно стоял идеальный красавчик: эдакая смесь Бреда Питта и Джейкоба Элорди. Одет парень был так, словно свалился из сороковых: белая рубашка и мешковатые черные брюки.

– Фи. Он из этих, – разочарованно фыркнула Софья.

– Плевать! – мечтательно протянула Лика.

– Может, продолжим? Парни куда не денутся, – спросила двухметровая дылда, – я Марина.

В этот момент к ним подошла еще одна девушка в джинсах и толстовке от Баленсиага. Длинные каштановые волосы у нее были собраны в конский хвост.

– Привет всем. Я Майя, – сказала она.

Всем пришлось представляться по второму разу.

В этот момент в зале появилась небольшая процессия преподавателей. Возглавляла их настолько классическая типичная директриса, что можно было не сомневаться в ее должности. Дело даже было не в строгом стиле – юбка-карандаш и светло-бежевая кофта, – а в общем выражении лица. Под ее тяжелым, пристальным взглядом поверх очков в виде полумесяцев сразу хотелось припомнить все свои предыдущие грешки, покаяться и радостно принять справедливое наказание. Даже родители замолкли при ее появлении.

Директриса вышла на середину холла, окинула взглядом все три компании учеников, вежливо улыбнулась родителям сжатыми губами и произнесла интонацией питона Каа, гипнотизирующего бандерлогов:

– Здравствуйте, мои дорогие.

В помещении моментально наступила тишина. Директриса продолжила:

– Рада вас приветствовать в нашей классической британской школе Даксфорд. Искренне надеюсь, что она станет для вас настоящим домом, время в котором вы все будете с умилением и радостью вспоминать, когда станете взрослыми, успешными и состоятельными людьми. Такими же, как присутствующие здесь родители.

Вика услышала возмущенное фырканье и обернулась. Директриса тоже стрельнула глазами в сторону компании провинциалов у стены. Возмутилась одна из девушек, невысокая, с медными постриженными в каре волосами, одетая достаточно невзрачно: кожаная короткая курточка, темно-серая водолазка и джинсы цвета мокрого бетона. Взгляд был с вызовом исподлобья, но на кого она смотрела, Вика так и не поняла.

Несложно было вычислить, что родителей было куда меньше, чем учеников. Скорее всего, компания у стены приехала на том самом автобусе. Тогда реакция неизвестной пока Вике девушки была понятна: ее папа явно не тянул на звание успешного и состоятельного. Хорошо, если он вообще был.

Откуда-то Вика чувствовала такие вещи. Она часто неплохо угадывала людей, как говорили одноклассницы. Когда кто-то из подруг приходил в школу после бурного скандала дома, Вика знала об этом без слов. «Тебе бы психологом быть», – говорили многие знакомые, и она, в общем, с ними соглашалась, да только вот в те вузы, которые не вызвали приступа острой аллергии у мамы с папой, на психфаки требовалось сдавать биологию, а Вика ну никак не могла запомнить все эти многочисленные наименования бактерий, щупалец ракообразных и виды белков. А с заваленным ЕГЭ по биологии туда не брали даже на платное.

Вот и сейчас, только взглянув на эту похожую на дикого злого зверька девицу, Вика ощущала, что та выросла без отца, с матерью, которая всегда попрекала дочь ее похожестью на того, кого она всю жизнь стремилась забыть. Такие вырастают либо забитыми ботаничками, либо наглыми, уверенными и четко знающими, что лучшая защита – это нападение. Вика очень не хотела бы с ней ссориться.

Пока она пялилась на незнакомку, директриса сказала еще что-то помпезное, раз родители неуверенно заулыбались и захлопали.

Вика невольно начала их разглядывать, старательно избегая встречаться глазами с отцом.

Взрослые тоже вели себя странно. Судя по их выражению, происходящее больше напоминало похороны, а не проводы детей в престижную школу. Все какие-то напряженные. Пара мамаш даже украдкой слезы вытирали. И такое ощущение, что все с радостью бросили бы детей, разбежались по машинам и рванули домой, вместо того чтобы вот так неловко мяться и слушать нелепые официальные речи. Хотя вообще, чего ждать от пап и мам, сплавивших детей в школу-интернат? Великой родительской любви?

Ее отец тоже не был исключением. Он периодически поглядывал на дверь, словно пытался найти удобный момент, чтобы улизнуть незамеченным. Вика чувствовала себя слишком раздавленной и опустошенной, чтобы обижаться на него еще больше. Одновременная потеря и матери, и друзей, и родного дома настолько выбили ее из колеи, что скакавшее от ненависти до мазохистической покорности настроение, наконец, решило остановиться на апатии. Ей было все равно.

– Что же. Теперь я предлагаю детям проститься с родителями и отправиться вместе со мной на небольшую экскурсию по школе, – произнесла директриса.

Момент прощания был, наверное, самым неловким и нелепым за весь день. Великовозрастные подростки, которых только что обозвали детьми, явно стеснялись проявлять чувства на виду будущих одноклассников, да и родители почему-то чувствовали себя неудобно.

Вика к отцу даже не пошла. Махнула рукой и отвернулась, делая вид, что не смотрит, хотя в стекле двери напротив прекрасно отражалось все, что творилось за ее спиной. Она видела,

что отец хотел бы что-то сказать. Он подождал минуту, потом вздохнул, кивнул и пошел к выходу.

Вика украдкой смахнула слезы, которые она не хотела никому показывать.

Глава III. Вика

Наконец родители вышли. Директриса некоторое время с непонятым выражением на лице молча смотрела на закрывшуюся за последней мамой дверь школы, но словно очнулась, натянула опять дежурную улыбку и повернулась к ученикам.

– Что ж, мои дорогие, давайте знакомиться. Меня зовут Агния Михайловна Борк. Вы можете не представляться, я вас всех прекрасно знаю. В нашу школу никто не попадает случайно, и все вы прошли тщательный отбор, так что, возможно, я осведомлена даже лучше вас самих.

– Знаем мы, какой это отбор. Кто больше бабла занес, того и взяли, – произнес кто-то за спиной Вики. Она обернулась и наткнулась на взгляд той самой девицы с медным каре. Директриса даже бровью не повела и решила пропустить это замечание мимо ушей.

– Как, вы даже в курсе, что я у брата жвачки тырил? Ой... проговорился, – парень в бейсболке картинно прикрыл рот рукой.

– Я в курсе, Аркадий, что у тебя нет и не было никакого брата. Хотела бы также представить вам моих коллег.

Директриса сделала шаг в сторону, позволяя выйти вперед тем, кто пока прятался за ее спиной.

– Вадим Вадимович, начальник службы безопасности школы. В случае каких-либо непредвиденных ситуаций и форс-мажоров в первую очередь нужно обращаться к нему.

Огромный лысый дядька с цепким взглядом коротко кивнул.

– Татьяна Леонидовна, наш школьный психолог...

– Таня. Просто Таня, – поправила невысокая молодая шатенка в очках. Одета она была в стиле героинь Твин-Пикса: светло-бежевая водолазка и пышная клетчатая юбка выше колен. В таком виде она выглядела более школьницей, чем ученицей.

– И, наконец, Вероника Игнатьевна. Можно сказать, наша общая мама. Она отвечает за комфорт вашего проживания в кампусе и будет решать любые бытовые проблемы. Для начала это все, кого вам нужно запомнить. У каждого из вас будет еще персональный тьютор, который будет следить за вашей траекторией обучения, но с ними будем знакомиться завтра. Чтобы больше не заставлять вас таскать вещи, предлагаю пройти в кампус и занять комнаты. Заранее скажу, что расселение проведено нашей психологической службой и в течение первого месяца мы не будем рассматривать просьбы о переезде в другую комнату...

– Это что значит? Я буду жить не в отдельном номере? – с возмущением произнесла та, что назвалась Ангелиной.

– Если в дело вмешались психологи, то жди самых неожиданных сюрпризов. Надеюсь, меня поселят с двумя тянками? – хохотнул Аркадий.

– И это называется элитная школа? – продолжила Ангелина.

– Вы же не собираетесь селить нас с этими токсиками? – ехидно ухмыльнувшись, спросил немного нескладный, очень высокий парень, кучерявый настолько, что любой пудель бы позавидовал.

– Успокойтесь! – Агния Михайловна добавила в голос стальных ноток. – Вы будете жить по двое. Это устоявшаяся практика в британских школах, которая показывает, что так дети уделяют учебе куда больше внимания, чем когда живут по-одиночке. Итак, пройдемте за мной.

– Токсики... а что, огонь... теперь только так их звать и буду, – улыбнулась Ангелина.

Пока их вели мрачноватыми коридорами, отделанными темным деревом, Вика гадала над двумя вопросами. Для начала, каким образом она прошла тщательный отбор, да еще так, что ее дело успели изучить психологи и определить, с кем ей жить, если отец только вчера договорился о ее зачислении в Даксфорд? Конечно, был шанс, что здесь действительно все

решали деньги, а слова о подборе соседей по комнате только слова и ее просто ткнули наугад к какой-то девице.

А еще, было очень интересно, с кем она все-таки будет жить.

Вика еще раз присмотрелась к девушкам. Диапазон характеров был что надо. От девицы с ядовито-сиреневыми короткими волосами, одетой в какую-то вручную раскрашенную джинсовую рванину с кучей дебильных значков, до той же Ангелины, блестящей лейблами брендов, как новогодняя елка, и явно привыкшей к тому, что все вокруг должны исполнять ее капризы. Угадать выбор психолога было трудно.

– Сейчас мы перешли в жилое крыло. На первом этаже комнаты учителей и воспитателей. Второй этаж займут девушки, а третий – юноши, – прокомментировала директриса. – Вадим Вадимович, проводите мальчиков.

– Не, ну а что на третий так сразу пацанов. А лифта нет, что ли? – возмутился кудрявый.

– Хватит ныть, Артемий, – Аркадий хлопнул его по плечу, – хоть здесь спортом займешься. Бабы еще завидовать будут. Им жопы на тренажерах качать придется, а о тебе школа позаботилась.

– Да пошел ты! – беззлобно ответил кучерявый Артемий.

Дальнейшую их пикировку Вика уже не слышала.

Когда парней увели, Агния Михайловна пригласила девушек за собой.

Директриса остановилась в начале длинного коридора, отделанного настолько темным деревом, что даже при ярком освещении он казался мрачным:

– Сейчас вы разойдетесь по комнатам. У вас двадцать минут, чтобы разложить вещи, познакомиться с соседкой и сходить в туалет. Через двадцать минут общий сбор в холле на первом этаже. Вам покажут остальную школу и отведут на обед. Опоздавшие останутся без еды, – она сверилась со списком. – Так, комната номер один: Ангелина и Анна.

Ангелина в растерянности обернулась. Из группы девушек-токсиков – все-таки чертовски прилипчивое название придумал Артемий – вышла та самая неформалка с сиреневыми волосами и бритыми висками.

– Нет, да вы издеваетесь! – воскликнула Ангелина.

– Обращу ваше внимание, – ледяным тоном продолжила Агния Михайловна, – что в каждой комнате находятся два экземпляра правил поведения в нашей школе. Вам нужно внимательнейшим образом с ними ознакомиться.

– Не буду я ничего подписывать! – Ангелина возмущенно сложила на груди руки.

– От вас этого и не требуется. За вас все подписали родители. Но у нас незнание закона не освобождает от ответственности, так что рекомендую их все-таки прочитать. Следующая комната, номер два: Микаэла и Белка.

Стоявшая рядом с Викой блондинка, которая представлялась Ликой, тихо прыснула со смеху:

– Фига се имечко.

Проходившая мимо девушка с медным каре тут же специально задела ее плечом.

– Ай... аккуратнее! – жалобно воскликнула Лика.

Белка даже не обернулась.

Вслед за ней, робко оглянувшись на остальных, последовала пухленькая армянка Микаэла.

Да, стало очевидно, что так называемый подбор психологами был организован по принципу: «А давайте устроим максимально конфликтное расселение». Иного объяснения не было.

В третью комнату отправили Вику и Нину – поразительно безвкусно одетую толстую провинциалку в очках. Вика постаралась оказаться в номере первой и успеть занять более выгодное место – желательно рядом с розетками, чтобы можно было заряжать телефон прямо в постели.

Номер был похож на обычный отель «на троечку». Придаться ни к чему нельзя – все новенькое и чистое – но и излишеств тоже не было. Две кровати симметрично слева и справа у стен, два шкафа, две тумбочки. Розеток рядом с ними нет. Телевизора тоже не наблюдалось.

Вика с размаху бросила свои пакеты наугад на одну из кроватей и заглянула в санузел. Там тоже было все шаблонно: стерильная кафельная конура, с душем вместо ванны и унитазом в углу. То есть пока одна моется, другой придется терпеть, если приспичит.

Сзади раздалось пыхтение Нины, затаскивающей в комнату свой огромный чемодан. То, что багаж должны носить специально выделенные для этого люди, в ее мозг никак поместиться не могло.

Вика искренне старалась не относиться предвзято к той, с кем придется еще как минимум полгода делить комнату, но получалось плохо.

– А ты, значит, Вика? А я Нина, – сказала соседка, тяжело плюхаясь на свою постель.

– Потрясающая пронизательность, – съязвила Вика, опускаясь на колени и заглядывая под кровати.

– А что ты ищешь? Что-то уронила?

– Розетки. Хотя бы одну. Мы не в девятнадцатом веке. Не может же не быть в комнате ни одной розетки?

Нина растерянно заозиралась.

Но это действительно было так. В прикроватные бра проводка выходила прямо из стены, а ничего электрического, кроме них и люстры, в номере не было.

– Да ладно! Что, даже фен некуда воткнуть? – воскликнула Вика и прошла в душевую.

Там действительно розетка была. Одна. На высоте полутора метров от пола. Над унитазом. То есть ровно так, чтобы телефон на воткнутом в нее заряднике болтался в воздухе, каждую секунду рискуя утонуть.

– Телефон будем заряжать по очереди, – заявила она, вернувшись в комнату.

– Не потребуется, – мрачно ответила Нина, держа в руке какую-то ламинированную бумажку. – Пользоваться смартфонами, телефонами и любыми иными средствами связи, кроме стационарных компьютеров в IT-классе, запрещено, – процитировала она.

– В смысле? – поразила Вика и схватила свой экземпляр правил.

Не могли же они это всерьез написать.

Оказывается, могли.

Правила оказались просто воплощением жести и пестрели непрерывными «нельзя» и «запрещается». Помимо использования смартфонов ученикам не разрешалось выходить за территорию школы, покидать комнаты после отбоя, заходить в помещения, на которых висит надпись «только для персонала», и тому подобное. Почему-то отдельным пунктом был выделен запрет на занятия творческой деятельностью, что вызывало еще больше вопросов. За все полагались какие-то наказания в соответствии с уставом школы, который к правилам, естественно, не приложили.

– Это какая-то тюрюга строгого режима! – воскликнула Вика. – А как они это собираются контролировать? Здесь что, камеры повсюду? Я вот сейчас возьму и наберу папе, и как они это отследят?

– Связи же нет. Ты что, не в курсе? – растерянно спросила Нина.

Вика достала смартфон и глянула на экран. Там, где полагалось находиться палочкам мощности сотового сигнала, висел крестик, показывающий, что позвонить она никуда не сможет.

Она запустила поиск WiFi, но в эфире было пусто. Ни одной станции для раздачи.

– Мда... полная цифровая изоляция, – прошептала она и села на кровать.

Это было тяжело осмыслить. Конечно, ее решимость эффектно пропасть для всех друзей и одноклассников к этому моменту растаяла, и она уже планирована как лучше написать в свой

канал про новую школу и вызвать шквал вопросов и комментариев... но тут получается, что она действительно для всех внезапно бесследно исчезнет.

Следующая мысль поразила ее, как разряд тока: а как она узнает, что с мамой? Вдруг ей станет лучше или хуже? Может она вообще вылечится и вернется домой. Как Вике сообщат об этом?

Успокаивала мысль, что если мама поправится и будет жить дома, тогда отец уж точно заберет Вику из этой дыры. Какой смысл ее тут держать?

– Видимо, глушилки какие-то, – взялась зачем-то пояснять Нина, – у нас Владлен по геопозиции проверил и сказал, что, судя по карте, покрытие у всех операторов здесь уверенное. Почему связь не работает – совершенно непонятно.

– Да какая разница, – раздраженно отмахнулась Вика.

В дверь постучали. Вика вскочила с кровати, открыла дверь и увидела на пороге свой чемодан. Она выглянула в коридор: тележку с багажом тащил какой-то рабочий. Он поставил очередную пару чемоданов у следующей двери, постучал в нее и покатил дальше.

Вика занесла чемодан в комнату и, чтобы хоть как-то привести нервы в порядок, пошла в ванную раскладывать косметику. В шкафчике над раковиной, слава богу, было две полки.

Нина зашла к ней через пять минут.

– Нам уже скоро выходить... ого! Как много всего...

– Если хоть что-то тронешь без моего разрешения – убью, – холодно прокомментировала Вика.

– Да я про половину не понимаю даже, что это такое, – пожала плечами соседка и поставила в душевую кабину какой-то дешевый шампунь «три в одном».

Вика покосилась на ее волосы. Как при такой длине можно обходиться без масок и бальзама?

Похоже, что для них обеих будет еще масса сюрпризов во время совместного проживания. Вику не удивило, если бы Нина достала из чемодана месячный запас доширака.

Пока Вика вешала в шкаф несколько платьев и раскладывала на полках белье, Нина все нервно посматривала на наручные часы. И даже не на китайский смартвотч какой-нибудь, а на самые обыкновенные: с циферблатом и стрелками. Кто вообще сейчас такие носит и зачем?

Хотя, при условии, что ничего больше не работает и телефон особо не зарядишь, такой анахронизм был преимуществом.

– Странно. То ли часы почему-то побежали вперед, то ли с телефоном что-то. У тебя сколько времени? – спросила она.

– Час дня.

– Вот и у меня на телефоне столько же. А наручные показывают на два часа больше. Наверное, головку задела и перевела случайно.

Нина подправила стрелки на часах.

– Нам пора идти, – заметила она.

Вика критически глянула на шкаф, в котором она уже заняла явно больше половины, а вещей в большом чемодане оставалось еще изрядно, и покосилась на соседку.

– Да мне одной полки хватит, – правильно поняла ее Нина. – У меня не так много нарядов. Я в основном учебники привезла.

– Мда... Как мало между нами общего, – флегматично заметила Вика. – Ладно, пойдем, а то ты уже вся на нервах.

Глава IV. Вика

Когда Вика с Ниной пришли в общий холл, там бушевала буря. Никого из взрослых пока не было – учеников оставили повариться в собственном соку. По мнению Вики – зря. Они сейчас не пар выпускают, а накрутят друг друга до массовой истерики.

Громче всех кричала Ангелина, у которой та самая истерика уже явно началась.

– Как это вообще возможно?! – кричала она. – У меня есть обязательства перед подписчиками! Я не могу вот так все бросить и оставить их без желанного контента. Они ждут! Это же вся моя жизнь вообще. Как это нет интернета? Я попрошу папу, он мне спутниковую антенну купит...

– Как? – спросила Вика.

– Что как? – Ангелина настолько удивилась вопросу, что даже визжат перестала.

– Как ты его попросишь? Связи-то нет.

– Ну... ну... тут же наверняка есть компы с выходом в интернет. Емейл напишу...

– А... ну-ну, – кивнула Вика и отошла в уголок.

Все только и обсуждали, что их попросту отрезали от всего мира, да и вообще от всей жизни. Даже новости никак было не узнать – телевизоров-то тоже нет. Слушать пустые вопли, которые все равно ничего не могли изменить, она не видела смысла, а вот реакция одноклассников была любопытной. Кто-то кричал, размахивал руками, описывая, как он сейчас будет качать права, кто-то поддакивал, но кое-кто и просто молчал, так же, как и Вика, с интересом разглядывая окружающих. Она поймала на себе спокойный ироничный взгляд Белки и еще одного парня со старомодной прической на прямой пробор – одного из токсиков. Как ни странно, главный балагур и шутник Аркадий тоже не высказывал особого возмущения, а изредка выдавал ехидные комментарии, подтрунивая над одноклассниками. В стиле: «Ну да, как же ты теперь без порнушки на ночь?»

Когда дверь открылась и вошла директриса, все тут же почему-то смолкли. Было в ее взгляде всегда что-то гипнотизирующее и демонстрирующее твою незначительность по сравнению с взглянувшей на тебя богиней.

– Судя по шуму, я так понимаю, все последовали моей рекомендации и ознакомились с правилами нашей школы. Молодцы...

– Да как так можно вообще? Это концлагерь какой-то! Вы не можете оставить нас без связи! – возмутился Артемий.

– Могу. Таково было пожелание ваших родителей. Но никто вас не отрезал от мира. Если вы хотите, можете пообщаться с родными через официальный чат школы, который установлен на каждом компьютере в IT-классе. Ваши родители тоже установили себе наше приложение. А вот трепаться с друзьями всю ночь напролет не выйдет. Но я рада, что вы пошумели и выпустили пар. Прошу...

– А вещи? У нас украли вещи! У меня вытащили кое-что ценное из чемодана! – заявил Артем.

– Если ты про бутылку коньяка, которую ты, вопреки правилам, привез в школу, то мы ее изъяли. Передадим твоему отцу при возможности, – спокойно ответила Агния Михайловна.

– Не, ну а чего отцу-то сразу? Можете просто выкинуть, – занервничал Артемий.

Директриса улыбнулась, не разжимая губ.

– Вы что, рылись в наших вещах? – возмутилась Ангелина.

– Конечно. Таковы правила, – невозмутимо ответила она.

– А карандаши с пастелью? Они что, тоже запрещены? У меня пропало все для рисования, – громко спросила девушка с сиреневыми волосами.

– Да, ты же читала правила. У нас не разрешается заниматься рисованием, скульптурой и другим творчеством.

Анна несколько секунд ловила ртом воздух, как выпавшая из аквариума рыбка.

– Но почему? – вскинулся тот парень с прямым пробором, что периодически поглядывал на Вику. – Алкоголь... телефоны – это я хоть могу объяснить. Но чем вам не угодило рисование? Развращает молодежь?

– Отвлекает от учебы, Владлен, – спокойно пояснила директриса.

– А может я собираюсь стать художником? Моя учеба и заключается в мастерстве рисования! – возмутилась девушка с сиреневыми волосами.

– Твои родители, Анна, были другого мнения.

– Не может быть! Вы врете. Я спрошу у них.

– Конечно. Спроси обязательно, – холодно улыбнулась Агния Михайловна, – а теперь прошу всех за мной, я покажу вам школу и отведу на обед.

Вика видела, что Ангелина тоже хотела что-то крикнуть, но Агния Михайловна уже отвернулась и пошла к выходу, так что она передумала. Ангелина торжествующе взглянула на Вику: дескать я же говорила, что смогу связаться с папой.

– Еще не все пришли. Антона нет и одного из этих... элитных. Мелкого такого, – спокойно заметила Белка вслед директрисе.

– Это их проблемы. Я предупреждала, – ответила директриса не оборачиваясь.

– Сурово тут у них, – тихо прошептал Аркадий, слезая с подоконника, но Вика стояла рядом и услышала.

В коридоре к Агнии Михайловне тут же подбежал восточный парень и начал что-то смущенно говорить шепотом, но, наткнувшись на холодный взгляд этой змеи, начал так экспрессивно разговаривать, что услышали, наверное, все.

– ...Слушайте, ну что вам стоит? Ну нельзя мне с таким жить. Вы же понимаете, если отец узнает или еще кто... мамой клянусь – мне жизни не будет.

Вике уже стало интересно, с кем же его таким поселили. Но тут вмешалась Ангелина и нарочито громко заявила:

– Подумаешь! У меня не лучше. Том-боя подсунули какого-то. Еще, гляди, ночью приставать начнет. Я ж не жалуюсь.

Сказано это было именно так, что все поняли, что она именно жалуется, просто прилюдно унижаться, как этот кавказец, перед директрисой не хочет.

Вика обернулась. Позади нее шел и ухмылялся настолько яркий образец метросексуала, что ошибиться, о ком говорил восточный парень, было невозможно. Розовые крупные очки, цветастый шейный платок, возмутительно розовый пиджак цвета, который ее мама называла «Маруся удавилась». Ресницы у него были покрашены. Вика не видела рук, но была уверена, что там не обошлось без маникюра.

– Что уставилась? – спросил он без возмущения. Он прекрасно слышал разговор впереди, и его это нисколько не обижало. Даже, скорее, наоборот – радовало и забавляло. Этот человек обожал эпатаж и питался хайпом и возмущением окружающих, как вампир.

– Любуюсь, – ехидно ответила она, – редко встретишь столь яркую личность.

– Это точно! Я Эдик. Будем знакомы? – тут же улыбнулся он.

Вика усмехнулась и отвернулась, переведя взгляд на девушку с фиолетовыми волосами, на которую жаловалась Ангелина. Вот ее-то как раз сказанное задело сильно. Щеки Анны вспыхнули, глаза прищурились, но лезть в словесную перепалку та не захотела.

Директриса что-то коротко ответила кавказцу и подобравшейся поближе к ним Ангелине. Скорее всего изощренно отшила, потому как оба тут же отстали с крайне разочарованными лицами.

Их провели по коридорам с учебными классами, показали библиотеку и заветную IT-комнату с новенькими моноблоками. В отличие от общаги тут, конечно, постарались. Вика бродила без особого интереса. Ну крутые интерактивные доски, ну новенький спортзал и что? На фоне того, что она полностью отрезана не только от мамы, но даже от информации о ее самочувствии, все это казалось ничего не значащей ерундой. Зная, насколько ее отец озабочен компьютерной безопасностью, она была уверена, что никакой школьный мессенджер он ставить себе не будет.

– А почему нас так мало? Столько комнат, а учеников всего один класс, – спросила Агнию Михайловну девушка с ярко выраженной монголоидной внешностью. Не китайка и не японка – их Вика благодаря сериалам различать умела. То ли бурятка, то ли еще какая народность из Сибири.

– Вы первый набор Даксфорда. В следующем году учеников станет в два раза больше, и вы как ветераны будете встречать и обучать новеньких. Но вообще у нас нет классов в привычном вам смысле. Каждый выберет себе индивидуальную траекторию обучения и свой набор предметов. Так что, вполне возможно, что с некоторыми учениками вы на уроках вообще пересекаться не будете. Но распределением по предметам мы займемся завтра.

Одна из Викиных подруг в коттеджном поселке училась в частной школе с точно таким же подходом, так что и тут ничего особо нового она не услышала. Грузить себя сейчас тем, какие предметы выбрать, ей совсем не хотелось.

По ходу экскурсии конфликт между токсиками и элиткой, как обозвала их Белка, только усиливался. Артемий и Ангелина пару раз неудачно пошутили про нищобродов, Белка огрызнулась в ответ – что-то про пуделя. Кучерявый, естественно, побагровел, рядом с Белкой как из-под земли внезапно вырос тот самый «крашик» с очень жесткими глазами. Просто встал с ней рядом и посмотрел на Артемия так, что тот даже вякнуть не посмел.

– Спасибо, Саш, но не стоило. Я и сама смогу за себя постоять, – ухмыльнулась Белка.

– Ничего. Мне этого мажора еще не раз воспитывать придется. Я с ним живу, – поморщился ее защитник.

Наконец их привели обедать, и вот тут Вике стало интересно. Ученических столов было всего четыре: каждый на 8 человек. Плюс отдельно сидели учителя и прочий персонал. Это означало, что класс будет вынужден поделиться на четыре равные части. Вадим Вадимович, видимо, пренебрег наказом директрисы и все-таки привел к ним еще двух опоздавших парней, так что в столовой собрался весь класс.

Аркадий сразу же плюхнулся за один стол, Артемий за второй, а Ангелина заняла третий. За оставшийся четвертый пятнадцать токсиков точно не влезли бы, так что конфликт сразу стал неизбежен.

Вика глянула на учителей. Где там этот чертов психолог Танечка, которая расселила их так, чтобы специально провоцировать конфликт? Что она делать будет? Но и она, и Агния Михайловна, и остальные преподаватели с любопытством наблюдали, как будет разворачиваться ситуация.

Все ученики сначала столпились у раздаточных прилавков и набирали еду, но если элитка потом спокойно подходила к столам и вольготно рассаживалась, то несколько токсиков – в их числе и Нина – уже мялись, не зная куда присесть, так как им не хватало места. Вика решила пока не спешить с выбором блюд, а стояла в стороне и смотрела. Ей казалось, что вот-вот случится драка, в которой у парней из провинции явно был перевес в силе. Там только один верзила под два метра – вроде его Сергеем звали – мог дать фору любому из элитки. А еще этот уверенный Саша с яростным жестким взглядом, который Артемия осадил. Эта парочка парней пока сидела за четвертым столом, но уже нехорошо посматривала на то, что происходит.

Белка быстро просекла ситуацию, взяла один вишневый сок и нагло поставила его ровно напротив Артемия, заняв для себя место.

Когда она отошла за тарелками, тот возмущенно покачал головой, глядя на своих соседей, дескать, надо же, какая наглость. Артемий глянул на спину Белки, которая в это время была поглощена выбором еды, взял со стола солонку, быстрым жестом открыл ее и полностью высыпал в стакан с соком. Поставив солонку на место, он подмигнул какому-то розовощекому дебелому парню, сидевшему рядом с ним, и тот заулыбался.

Вика посмотрела на Белку – та этого всего видеть точно не могла, так как стояла в этот момент спиной к столу.

Как бы Вика ни относилась к этим странным ребятам, но то, что сделал Артемий, было откровенной подлостью. Она собиралась уже было подойти к Белке и шепотом рассказать ей о соке, но та уже взяла еду и пошла к своему месту. В этот момент наполненный соком и солью стакан напротив Артемия как-то странно подпрыгнул и внезапно сам по себе опрокинулся, да так, что все вылилось Артемию ровно на штаны и рубашку.

Вика быстро огляделась. Кроме пострадавших произошедшее видел разве что Аркадий, почему-то следящий за Белкой.

Артемий чертыхнулся, вскочил, нелепо попытался стряхнуть с себя вишневый сок, да куда там: темное пятно только расплывалось на светлой рубашке все больше и больше.

Белка спокойно подошла к столу и поставила свою тарелку:

– А ты солью посыпь. Говорят, отстирывать потом легче будет, – с издевательской улыбкой произнесла она. – Ой... только тут она кончилась, – Белка с сочувствием демонстративно потрясла пустой солонкой.

– Ведьма! – возмущенно, но не без доли испуга произнес Артемий, взял свою тарелку и пересел за стол к Ангелине. За ним на всякий случай последовал и розовощекий.

Нина тут же подошла и села рядом с Белкой. За ней последовали и другие токсики.

Ситуация разрядилась. Драка откладывалась. Это поняли и за учительским столом и перестали столь откровенно пялиться на учеников.

Вика взяла себе омлет, тосты и кофе и пришла за стол к Аркадию. Там собралась компания из «своих», но не столь неприятных, как Артемий: Микаэла, Лиза, еще два каких-то незнакомых пока парня и кавказец. Вика выяснила, что невысокого и щупленького юношу зовут Леонид, а высокого, лицом почему-то похожего на ястреба – наверное, из-за очень характерного носа с горбинкой, – Сергеем. Дальше разговор не клеился, так что все просто молча поели и разошлись.

После обеда им представили всех присутствующих учителей, но Вика никого сходу не запомнила. У нее в голове и так уже была каша из имен. Ей хотелось поскорее в номер, в кроватку и просто проспать там до утра. Она слышала, что в армии солдаты чертят себе квадратики – по числу оставшихся дней службы – и зачеркивают по очереди. Так психологически легче перенести любые адские условия. Вероятно, ей нужно было сделать так же. Вика мечтала, чтобы дни проходили как можно быстрее. Но, как только ученики потянулись к выходу из столовой, вредная Танечка-психолог объявила, что вечером ждет всех на «свечку».

По летнему лагерю Вика помнила это нелепое развлечение для малолеток, которое в условиях двух враждующих группировок в классе выглядело скорее как очередная провокация. Но и нагло забивать на общие мероприятия и, таким образом, ссориться с администрацией прямо с первых дней она не была готова. Пришлось пойти.

Психолог собрала всех в большом зале, где тридцать кресел были поставлены по кругу. Правила «свечки» были просты: Татьяна передавала зажженную свечу первому ученику. Тот представлялся и вкратце рассказывал о себе – все, что сочтет нужным, – и отвечал на два вопроса: чего он больше всего хочет от будущего и чего больше всего боится. Дальше остальные могли ему задать не более трех вопросов, после чего он передавал свечу другому – тому, кого выберет сам.

– Я начну и подам пример. Меня зовут Таня, я детский психолог. От будущего я хочу вполне тривиального: встретить настоящую любовь и обрести семью и детей. Больше всего боюсь мышей. Так... у меня нет никаких предпочтений, так, что-бы не было домыслов, я начну просто с первой мужской комнаты, – Татьяна передала свечу невысокому парню с растрепанным русым каре. Естественно, из «элитки».

– Ха. Ну ладно. Я Данила. Планирую поступить в Стэнфорд или Гарвард и замутить свой стартап в силиконовой долине. Это про будущее. Люблю кататься на вейкборде. Если вы вообще в курсе, что это такое. Боюсь... женщин с небритыми ногами. Чего вам еще рассказать, я не знаю. Вопросы будут?

Несколько девушек из токсиков прыснули со смеху.

Вопросов не было: все сидели молча и раздумывали над тем, что рассказывать про себя.

– Ну ок. Тогда держи, – Данила, не заморачиваясь, просто передал свечку соседу справа: Сергею, что сидел рядом с Викой за обедом. Светловолосый высокий парень с орлиным носом тоже был из «элитки».

– Сергей, но лучше Серега. Чтобы отличать нас, так как тут тезка есть. Я так и не придумал, что такого о себе рассказать. Не состоял, не привлекался. Мечтал стать космонавтом и полететь на Марс, но я реалист и понимаю, что это вряд ли получится. Боюсь... а фиг его знает чего. Пока еще не понял, – он криво усмехнулся уголком рта.

– Ну хорошо. Если никто ничего не спрашивает, то я задам вопрос: куда планируешь поступать или кем хочешь стать? – Танечка попыталась разрушить общее молчание.

– А, тут все просто. Общевоинское командное училище. По стопам отца, – пожал плечами Серега.

– А отец у нас кто? – уточнил Аркадий.

– Генерал-лейтенант.

– Все понятно. Вопросов больше не имею, – улыбнулся Аркадий.

– Тогда держи, сам нарвался, – Серега передал свечку ему.

– Ну спасибо тебе! Родители шутки ради называли меня Аркашей, с тех пор под этим ником и существую, хотя отец меня чаще всего именует остолопом. Никуда поступать не хочу и вообще такой глупостью, как построение планов на будущее, не заморачиваюсь. Живу здесь и сейчас, по заветам товарища Будды. Больше всего люблю часами философствовать о ерунде и молчать о серьезных вещах. Боюсь оказаться банальным. Мне кажется, для первого знакомства достаточно.

Вика с интересом смотрела на Аркадия. За словесным кружевом он прятал себя настоящего, и она это прекрасно чувствовала. Парень был куда сложнее, чем старался казаться.

– Почему ты тут? Зачем тебя отправили в Даксфорд? – спросила она. Вика бы вообще всем этот вопрос задала, так как не понимала, как здесь можно оказаться добровольно и по своей воле, но надеялась, что хоть Аркадий не постесняется и скажет что-то путное, хоть и обратит в форму шутки.

– Предпочитаю называть его Дарксфорд. Чертовски неприятное местечко, – поморщился он. – Все благодаря тому же желанию папы исправить остолопа. Видимо он считает, что тут некий аналог армии, где из меня за два года должны сделать человека. Итак джентльмены, я считаю пора прекратить этот междусобойчик и пригласить к ответу прекрасных дам.

– Эй, а может у меня еще есть вопрос, – ухмыльнулся Артемий.

– Право задавать мне вопросы надо еще заслужить, – отрезал Аркадий и протянул свечу Вике.

Артемий похабно присвистнул.

Вика несколько не смутилась. Аркадий был интересным, и то, что он так явно обозначил свой интерес к ней, было приятным. Но она так увлеклась, слушая остальных, что так и не

придумала, как рассказывать о себе. Ярких увлечений у нее не было, а красиво нести пургу, как Аркадий, она не умела.

– Дарксфорд. Отличное название, мне нравится. Я Виктория. Меня взяли в заложницы и привезли сюда насильно, поэтому в дурацкие игры со свечкой я играть не намерена.

– Неужели тебе нечего сказать своим будущим товарищам? Тем, с кем ты проведешь ближайший учебный год, – искренне удивилась Таня.

– Кому сочту нужным, я все скажу наедине, – отрезала Вика.

Она коротко глянула на Аркадия – тот улыбнулся в ответ одними глазами. Вика нашла взглядом второго человека, который был ей крайне интересен, – Белку – и передала свечку ей.

Та спокойно кивнула, словно именно этого и ожидала.

– Итак, дорогое общество анонимных алкоголиков, я Белка.

– Это реально имя такое? – спросил Аркадий.

– Не только у тебя к родителям много вопросов, – усмехнулась Белка. – От будущего я больше всего хотела бы... остаться в живых. Но вы сейчас наверняка меня не поймете. Отсюда же и вывод, что больше всего боюсь, что не справлюсь с этой непростой задачей. Но вы этого тоже не поймете. – Она глянула на Вику. – Сразу отвечаю: я тут потому, что у меня нет выбора. Не заложница, конечно, но близко к этому. Просто мы решили, что так будет лучше для всех.

– В смысле? Это же этих мажоров сюда богатые папаши пристроили. Ты разве не проходила отбор? Не боролась за место здесь? – не выдержала Нина.

– Нет, – пожала плечами Белка, – просто приняла предложение. Крайне настойчивое предложение, – на этих словах Белка в упор посмотрела на Таню.

Та заерзала на стуле и решила взять инициативу в свои руки:

– Ребята, неужели у вас нет личных вопросов? Про увлечения, про будущее. Вот например: куда ты планируешь поступать?

– Не думаю, что мне стоит этим озадачиваться, – опять непонятно почему усмехнулась Белка.

Вика видела, что Таня почему-то очень напряжена. Ее попытка сдвинуть Белку с ее мрачной откровенности ни к чему не привела, и ей очень не хотелось, чтобы Белка продолжала в том же тоне. Поэтому психолог с радостью ухватила за то, что один парень из токсиков поднял руку. Тот самый со старомодной прической на прямой пробор. Довольно симпатичный, но не такой красавчик, как тот, кто сидел рядом и на которого в холле пялилась Лица.

– Да, Владлен, – радостно сказала Таня.

– Ты что, смертельно больна? – спросил он.

– А это уже четвертый вопрос, – ядовито улыбнулась Белка и передала ему свечку, – вот ты и отдувайся дальше.

Парень немного растерялся, но быстро взял себя в руки и отвечал четко, как на экзамене:

– Меня зовут Владлен Семенов. Увлекаюсь физикой. Я очень рад, что прошел все испытания и школа решила, что я достоин стать ее учеником. Надеюсь, это откроет для меня возможность поступить в лучшие московские вузы, о чем я, собственно, и мечтаю.

– Просто стать студентом? Это предел мечтаний? – ехидно спросила Белка.

– Нет, конечно. Я хочу стать ученым и изменить мир. Но долгий путь всегда начинается с первого шага, – спокойно ответил Владлен. – А боюсь я, как и ты, что не справлюсь. Что стану посредственностью. Каким-нибудь клерком в банке.

– Идеалист! – фыркнул Аркадий.

Владлен пропустил это мимо ушей.

– Держи! – он отдал свечку своему соседу справа – тому самому красавчику, который привлек внимание Лици. Тот равнодушно кивнул.

– Саша. Я родом с Донбасса. С ДНР. Тоже благодарен школе за возможность и все такое.

Признаюсь, строгий отбор я не проходил. Мне сказали, что для детей войны есть какая-то особая квота, но я рад, что тут оказался. Особых дарований, как у остальных у меня нет. Люблю читать. И классику, и современное. Собственно, у нас больше нечем было заняться. О себе говорить не люблю, потому что еще ничего такого не сделал, чем можно было гордиться. Но, конечно, хотел бы.

– Еще один! – Артемий возвел глаза в потолок. – И что же ты хочешь сделать такого выдающегося? Стать президентом?

– Если бы знал, то уже сделал. Но пока понимаю только то, что для этого нужно еще подучиться. Ну а боюсь я только одного. Войны. Вопросы есть?

Все молчали.

– Сильно, – спокойно прокомментировал Аркадий.

– Мне... мне свечку, – воскликнула Лика, видя, что Саша начал искать глазами, кому бы ее отдать.

Тот пожал плечами:

– Почему бы и нет.

Лика постаралась максимально обворожительно улыбнуться, когда принимала свечу из его рук.

– А что, так можно было? – удивилась безвкусно одетая блондинка из токсиков.

– Значит так. Меня зовут Лика, я из Москвы, но это и так понятно, – начала тараторить Лика.

– А полное имя как? Анжелика? – неожиданно прервал ее Серега.

– Это и есть полное имя. Вот такая причуда предков. И у меня мечта побыстрее найти себе партию и сбежать от родителей замуж. Потому что достали – сил нет. Впрочем, как и я их.

– Потом будешь доставать мужа? – усмехнулся Артемий.

– А это уже зависит от него и от того, как он обо мне заботиться будет.

Артемий возмущенно фыркнул.

– А Даксфорд-то тебе тогда зачем? – удивился Владлен.

– Ну во-первых, меня никто не спрашивал. Как папенька решил, так в моей семье и поступают. Во-вторых, а где еще мужа-то искать, если не в закрытых частных школах? В-третьих, а чем тут хуже, чем в любом другом месте? По мне так курорт. Главное, что родители далеко.

– Вы слышали, парни? Берегитесь! Среди нас охотница, – хохотнул Аркадий.

– Расслабься, ты не в сфере моих интересов, – огрызнулась Лика. – Так. А что там еще... а, страхи. Ну я боюсь... одиночества. Все остальное можно пережить. Так... вопросы?

– Хм... пожалуй воздержусь, – усмехнулся Артемий.

Лика неожиданно передала свечку кавказцу.

– Спасибо, дорогая, – улыбнулся тот. – Я Султан Черкесов.

Аркадий хрюкнул со смеху:

– Прости, не обижайся, но это должность или имя?

Султан натянуто улыбнулся:

– Каждый раз спрашивают. Я уже привык. Имя и фамилия, конечно.

Вика немного отключилась от беседы и задумалась о словах Лики. Убежать от родителей замуж. Раньше она никогда не думала о том, чтобы сбежать из дома. Просто не было повода, но эти два дня изменили все. Отец внезапно стал чужим, мама... о ней думать было тяжело. Но главное – такой родной дом внезапно превратился в то место, куда совсем не хочется возвращаться. По крайней мере пока мама не выздоровеет. Если это вообще случится. В чем-то она Лике понимала. Но сбежать из одной клетки в другую? Разве это выход?

Она слушала остальных вполуха, но вообще прослеживалась четкая закономерность: половину класса, условно говоря обитателей Новой Риги и Рублевки, привезли сюда против

их воли, и все они так или иначе были обижены на родителей за этот выбор. Некоторые и так уже имели настолько ужасные отношения с семьей, что рады были этой ссылке.

Ребята из других городов, за редкими исключениями вроде Белки, наоборот, рвались в эту школу и считали, что вытащили выигрышный лотерейный билет, который теперь обеспечит их счастливое будущее: поступление в столичный вуз и крутую карьеру. Все они были чем-то увлечены. Вика пропустила мимо ушей представление остальных девушек и парней из элитки – там все было скучно и предсказуемо, но вслушивалась в то, что говорили токсики, потому что раньше вообще не встречала ребят с такой мотивацией. Ей казалось, что такие только в кино бывают, а замкадыши в основном представляют собой грызущих семечки гопников и их девиц с неизменной бутылкой пива в руках. А тут такие странные экземпляры. Ее соседка Нина выигрывала какие-то олимпиады по литературе, девушка с фиолетовыми волосами Анна была художницей, скромница Зоя в бабушкиной кофте увлекалась биологией и так далее. Даже яркая красавица Вета, от которой тяжело было ожидать высокого IQ, оказалась чемпионкой области по бальным танцам, а похожий на гея Эдик, оказалось, отлично знал историю. Исключений было мало. Маленький щуплый Леонид из элитки неожиданно заявил, что фанатеет от математики и мечтает посвятить ей всю жизнь, а блондинка-простушка Алла из какой-то далекой деревни призналась только в том, что мечтает о такой же сумочке, как у Ангелины и вообще ничего не упомянула о своих увлечениях.

Вика очнулась только на последнем представлении. Свечку передали девушке с яркой азиатской внешностью.

– Привет всем. Я Тайра. Пою в фолк-группе. Пела... наверное. Вряд ли они будут ждать меня два года.

– Ты из Киргизии? – спросила Лика.

– Я чулымка.

– Это вообще где? – поморщился Артемий.

– На реке Чулым. Красноярский край. Мечтаю стать медиком и спасти чьи-то жизни. А боюсь того, что духи орекенеры и сам Эрлик будут мной недовольны.

– Духи... кринж. Какой дремучий пипец, – покачал головой Артемий. – Ну что все? Вечер откровений закончен? Можно идти в кроватку?

Глава V. Вика

Ночью Вике не спалось. Начать с того, что Нина периодически похрапывала. Не так чтобы громко, но зато хаотически, что делало ее хрюки совершенно непредсказуемыми. К тому же Вика никак не могла осмыслить все, что обрушилось на нее в последние два дня. У нее было ощущение, словно она внезапно где-то ошиблась дверью и вывалилась не в свой, а какой-то чужой, незнакомый мир, где у нее нет матери, где отец смотрит на нее как на чужую, где считается нормальным ссылать детей в школу с условиями, приближенными к тюремным.

В прежней жизни Вики такого просто не могло быть.

Неожиданно она услышала за дверью приглушенные голоса. Точнее один голос. Судя по монологу, прерываемому паузами на время ответных фраз собеседника, какая-то девушка разговаривала по телефону.

Вот же не спится кому-то!

Стоп!

Какие телефоны, когда тут ничего не ловит? Или у кого-то все-таки есть экзотическая симка, на которой связь есть?

Вика вскочила с кровати, тихо, стараясь не разбудить Нину, подкралась к двери и приложила ухо к замочной скважине.

За дверью шепотом с кем-то ругалась Белка:

– Я еще раз повторяю: не лезь. Я сама могу за себя постоять. А ты вообще заткнись, я с тобой не разговариваю. Что? Нет, извинения не принимаются. Значит так. Если еще раз тебе покажется, то ты сначала спрашиваешь у меня и только потом действуешь...

Вика резко открыла дверь.

Белка стояла в центре коридора и активно жестикулировала руками. Телефона у нее не было. Увидев Вику, она сразу замолчала.

Вика подошла ближе, но никаких наушников в ушах девушки не заметила.

– Тебе чего? – агрессивно, еще не отойдя от спора, спросила Белка.

– Ты меня разбудила. Ты с кем разговаривала?

– Не твое дело, – Белка сделала паузу, глубоко вздохнула и добавила: – Извини. Мне казалось, что я тихо. Иди спать, больше не буду.

– Так с кем? У тебя связь есть?

– Что? А... нет. Просто я шибанутая и периодически разговариваю сама с собой. Как Горлум в фильме. Видела?

Вика с сомнением посмотрела на девушку. На шизофреничку с голосами в голове она совсем не была похожа. Белка отчаянно врала, и это было очевидно, но понятно, что и правды от нее сейчас не добьешься.

– Так, а что это у нас? – раздался громкий голос.

Вика и Белка синхронно обернулись. В коридоре позади них стояла Вероника Игнатьевна. Главная воспитательница подошла ближе.

– Что, правила не для нас писаны? После отбоя выходить из комнат запрещается.

– Простите, это я виновата, – быстро сказала Белка. – Вика вышла, потому что я шумела.

– Вот что. Марш по комнатам, и чтобы я вас больше не слышала. На первый раз прощаю. В следующий раз доложу Агнии Михайловне, – строго сказала Вероника Игнатьевна.

Вика кивнула, ушла к себе, легла в кровать и, как ни странно, тут же почувствовала, что хочет спать, словно эта шизофреническая сцена с Белкой добавила последний штрих к сюрреалистической картине дня так, что она наконец начала выглядеть завершенной и мозг успокоился.

Всю ночь ей снилась дверь. Видимо та самая, которая привела ее в страну кошмаров под названием Дарксфорд. Дверь была необычного ультра-черно-синего цвета. Такого, каким мерцает белая одежда на дискотеках под черными лампами. Было такое ощущение, что она даже светилась и наполняла этим светом все пространство вокруг. Вика все хотела открыть ее и одновременно очень боялась того, что может там увидеть. Она так и стояла у двери в течение всего сна, пока ее грубо не выдрал в реальность голос Нины:

– Ты чего все спишь? Вставай! На завтрак опоздаем!

– Да чтоб он провалился, этот завтрак, – пробормотала Вика. – Который час?

– Уже семь-десять!

– С ума сойти! На хрена ты меня разбудила в такую рань? Тут же нет пробок по дороге в школу.

– Ты чего, расписание не читала? Подъем в семь, зарядка в семь-тридцать...

– Зарядка? Да вы издеваетесь!

– Тут я с тобой согласна, – кивнула Нина. – Потом завтрак в восемь. На него полчаса и сразу уроки.

– Это какая-то пытка, – простила Вика, но все-таки села на кровати.

Большая часть класса, или «параллели», как называла их директриса, на зарядке были просто вареными сосисками. Невыспавшимися, кое-как вяло и хаотично машущими руками и ногами по приказу здорового тренера Ивана Константиновича, которому Аркаша сходу и намертво приклеил сокращение «Ив Кусто». Из элитки только Сергей, а с ним еще трое парней из токсиков явно привыкли делать зарядку по утрам самостоятельно и выглядели бодрячком. Ну и еще две спортсменки: волейболистка Марина и Вета, утверждавшая, что была чемпионкой чего-то там по танцам, тоже выполняли упражнения тщательно и со старанием. На остальных просто жалко было смотреть. Вика и сама вяло сделала пару наклонов, после чего села на пол и смотрела за стараниями остальных. Видя, что ее никто не ругает, вскоре половина класса последовала ее примеру и откровенно забила на зарядку.

После короткого завтрака их всех развели по кабинетам к тьюторам. Если в обычных школах за успеваемостью детей помимо родителей следили классные руководители, то тут на каждую пару-тройку учеников приходился один учитель, который руководил их «траекторией образования», как это формулировалось в правилах. Это были те же учителя-предметники, для которых такое персональное классное руководство было дополнительной нагрузкой.

Вопреки ожиданиям Вики, их разбили на пары и тройки совсем не так, как расселяли по комнатам. Тут логику она вообще не смогла понять, потому что ее и Белку вызвали одними из первых.

В кабинете их ждал абсолютно седой, но в принципе не очень пожилой высокий мужчина в темно-синем пиджаке, водолазке и джинсах. На вид ему было чуть более пятидесяти. Он жестом пригласил девушек сесть напротив за стол, широко улыбнулся и представился:

– Олег Александрович Серегин. Я буду вашим тьютором до самого выпуска. Вас я уже знаю: Виктория и... Белка.

Тьютор сделал паузу, но девушки молчали. Белка почему-то набычилась и смотрела куда-то под парту, а Вика не знала, что сказать, и просто разглядывала лукавые серые глаза учителя, в уголках которых собрались глубокие морщинки независимо от того, улыбался Олег Александрович или нет. Было ощущение, что он все время смотрит на нее с некоторой внутренней усмешкой.

– Гм... Нам с вами нужно составить программу обучения для каждой из вас. В школе есть ряд обязательных оцениваемых предметов – их всего четыре. Это математика, физкультура, русский и иностранный языки. Все остальное вы должны выбрать, но так, чтобы суммарно у вас было не менее семи оцениваемых предметов и еще трех факультативных, которые вы обя-

заны посещать, но успеваемость по ним будет оцениваться по принципу зачета. Вам понятны правила?

Вика кивнула. Белка неопределенно пожала плечами.

– Тогда давайте обсудим список предметов. Куда вы планируете поступать?

Белка отвернулась к окну и с непонятной тоской посмотрела на темные ветви деревьев. Сегодня на улице было пасмурно и туманно, так что кроны и листва выглядели немного зловеще и мистически.

– Как будто это имеет какое-то значение, – пробормотала она.

– Ну как же. Это же ваше будущее.

– Будущее?

Белка повернулась и взглянула в глаза Олегу Александровичу, отчего он почему-то смутился.

Вика совершенно не поняла этот их диалог.

– А можно стать психологом, не изучая биологию?

Тьютор оживился. Разговор перешел в нужное ему русло:

– Конечно. Есть факультеты вузов, которые тоже дают психологическое образование без диплома врача. Принимать пациентов вы не сможете, но оказывать частные консультации, вести тренинги и вообще работать по профилю психолога будете.

– Что для этого нужно изучать?

Белка почему-то фыркнула и опять отвернулась.

– Помимо обязательных предметов понадобится общественное знание. Также я бы рекомендовал историю, которую как раз и буду вам преподавать – иногда она требуется на смежные с психологией факультеты. Вдруг через год вы передумаете и решите поступить, например, на философию.

– Подходит, – улыбнулась Вика. Но нужно же три.

– Биология, химия и география отпадают?

Вика кивнула.

– Дура, бери информатику, – неожиданно сказала Белка.

Вика удивленно взглянула на нее:

– Это почему еще? Терпеть не могу программирование.

– Будешь иметь доступ к компу и сможешь общаться с семьей. Или кто у тебя там остался.

Иначе в IT-класс не попадешь.

– Это правда? – спросила она тьютора.

Тот помедлил, но все-таки кивнул.

– Тогда да. Информатика. Пусть будет так.

– Хорошо. А с факультативными предметами у вас есть возможность определиться в течение недели. Походите по урокам, посмотрите преподавателей и тогда мы еще раз встретимся, – кивнул Олег Александрович, – а вы, барышня, определились?

– Да пофиг вообще, – опять пожала плечами Белка.

– Мы с вами обязаны что-то выбрать, – нахмурился учитель.

– А сама что информатику не выбираешь? Не хочешь общаться с семьей? Или это такая подстава была? – спросила Вика.

– У меня нет семьи. Больше нет, – вздохнула Белка, и Вика подавилась следующим вопросом.

Белка помолчала.

– Да пусть будет то же, что и у нее, – махнула рукой она.

– Замечательно. Понимаю, вы все сейчас несколько нервничаете из-за смены обстановки, но, думаю, после знакомства с другими учителями у тебя будет больше энтузиазма.

– Окей. Мы можем идти? – спросила Белка.

Тьютор был растерян. Он явно планировал долгую беседу по душам.

– Ну... в принципе... да. Можете. Как-то все прошло быстрее, чем я планировал...

Вика была не прочь расспросить его про учебу, но Белка даже не дослушала до конца его фразу, встала и пошла к выходу. Оставаться в кабинете одной Вике не хотелось, так что она тоже кивнула и вышла за дверь.

Белка огляделась – они настолько быстро отстрелялись, что их так рано никто не ждал и в коридоре никого не было. Она уверенно направилась к лестнице вниз.

– Эй... ты куда? – спросила вслед Вика. Она не знала, что делать – до этого их везде по школе чуть ли не за ручку водили, и неожиданная свобода действий ее немного пугала.

– Хочу проверить одну вещь. Хочешь, пошли вместе, – тихо ответила она, даже не обернувшись.

Вика направилась следом за ней. Они спустились на первый этаж, но, вместо того чтобы пойти в жилое крыло, Белка повернула в противоположную сторону.

– А нам туда разве можно?

– А ты всегда на все разрешение спрашиваешь? Посрать тоже будешь отпрашиваться по расписанию?

– Ну в правилах было же что-то про запрет заходить в служебные помещения, – сказала она как раз, когда они дошли до таблички «Только для персонала. Ученикам вход воспрещен».

– Фортуна любит смелых, – заявила Белка и распахнула дверь.

Вика твердо решила туда не идти, чтобы избежать неприятностей, но этого и не потребовалось.

– Что вы тут забыли? – раздался за спиной мужской голос.

Вика испуганно обернулась. Это был Вадим Вадимович – руководитель охраны.

– Хотела узнать, что там? Нам всю школу показали, а про это крыло ничего не упомянули, – невинно заявила Белка.

– Лазарет.

Глаза у Вадима Вадимовича были жесткими и холодными. Такими, что о его взгляд можно было уколоться.

– Все крыло? Оно же по размерам как жилое, – продолжила допрос Белка.

– Да. По правилам оно должно вместить всех проживающих в Даксфорде. Вдруг случится эпидемия, – спокойно ответил он.

– А вы тут оптимисты, как я посмотрю, – пробормотала Белка, но дверь аккуратно прикрыла.

– Вас разве не ждут на уроках? – с фальшивым участием поинтересовался Вадим Вадимович.

Белка фыркнула и пошла прочь. Вика поспешила за ней. На полпути к лестнице обернулась: начальник охраны стоял и пристально смотрел им вслед.

– Понятно. У них везде камеры. Заметила, как быстро он выскочил? – спросила она, шагая вверх по ступенькам.

– Думаешь, он врет? – с сомнением спросила Вика.

– Конечно. Если бы там был пустой лазарет, в котором ни одного больного, чего так беспокоиться, что мы туда заглянем? Там внутри, кстати, еще двое стояли, так что никуда бы мы все равно не прошли. Я успела заглянуть.

– А чего тогда они там прячут?

Белка резко остановилась, так, что Вика чуть на нее не налетела, и обернулась:

– Хороший вопрос.

Она оглядела стены. Тут, на середине лестничного пролета камер не было видно. Белка перешла на шепот.

– Я вообще думаю, что тут все не то, чем кажется. Зуб даю – ни у кого из вас пообщаться с родными не выйдет. Вот увидишь.

– Да не... это паранойя уже какая-то, – отмахнулась Вика.

– Ну да. Паранойя. Я с этим диагнозом в дурке и лежала, – улыбнулась Белка, развернулась и пошла дальше по лестнице.

– В смысле? – опешила Вика.

– В прямом. Меня оттуда сюда и доставили. Спецрейсом.

Белка поднялась на второй этаж, а Вика так и осталась стоять между пролетами, пытаясь понять, всерьез та говорила или нет. Обычно она хорошо чувствовала подвох, обман и шутки. Интуитивно. Почти как в сериале «Обмани меня». Но в этот раз она была уверена, что Белка не шутила.

Несколько минут спустя Вика поднялась на второй этаж очень медленно – оттого, наверное, и неслышно. Вообще лестница в ее родном доме научила ее тихо подкрадываться, когда очень хотелось подслушать, что там родители говорят. Потому Белка ее и не услышала. Зато Вика прекрасно разобрала все, что та говорила одним пролетом выше – между женским и мужским этажом:

– Вернись туда и посмотри, что они скрывают за дверью... Нет, ничего со мной не случится. Вся опасность там... Вот иди и проверь. Потом расскажешь.

Вика быстро проскочила лестничный пролет и, как ей показалось, даже слышала убегающие шаги. У окна на лестнице стояла Белка. Одна.

– Ты с кем сейчас говорила? – спросила запыхавшаяся Вика.

– Сама с собой, – буркнула Белка, прошла мимо нее, задев плечом, и пошла вниз, к себе в комнату.

Глава VI. Вика

«Разделяй и властвуй» – этот принцип администрация школы исповедовала непрерывно. После первой недели учебы Вика окончательно в этом убедилась. Весь процесс был организован так, что устойчивые компании просто не могли organizоваться. На всех обязательных предметах их поделили на три равные группы по десять человек, каждая из которых сидела в разных классах.

Обычно так поступали на уроках английского, распределяя учеников по степени владения языком, но здесь явно был другой принцип, потому что вместе с Викой с уверенным уровнем С1 оказалась Алла, которая вообще не знала ни одного иностранного языка, а на математике и русском с ней сидели уже совсем другие ученики.

Набор необязательных предметов тоже у каждого был свой, и иногда по расписанию получалось так, что на уроках сидело всего трое – четверо. Как, например, на истории, где помимо Белки и Вики присутствовал только Аркадий и вызывающе одетый Эрик. Хотя, по словам Осы (как по первым буквам имени, фамилии и отчества тут же окрестил Олега Александровича Аркадий), у него была еще одна группа, которой он преподавал историю в иное время.

Долгожданный визит в IT-класс ее, как и остальных, очень разочаровал. Выход в интернет там формально был, но все равно, что его не было. Браузер позволял зайти на ограниченный список сайтов и ни на одном из них не было возможности пообщаться с кем-либо. Ни комментариев, ни форумов. Вика плохо разбиралась в установке программ, но даже парни в ее группе на информатике, считавшие себя чуть ли не хакерами, повозившись с полчаса под насмешливым взглядом толстой учительницы Екатерины Сергеевны, разочарованно развели руками. Обойти защиту не получилось ни у кого. На компьютерах была установлена какая-то незнакомая экзотическая операционная система с ограниченным набором программ, и ничего нового на нее загрузить и установить не было никакой возможности.

Вика запустила разрешенный школьный мессенджер, забила туда свой логин и пароль, который ей выдали на бумажке, и тут же увидела сообщение от отца:

– Привет. Ты там как?

Она задумалась: отвечать или нет? Отца она даже не думала прощать... но он оставался единственным способом узнать, что там с мамой.

– Нормально. Как мама? – напечатала она в ответ.

Статус у отца был: «Не в сети». Естественно – он же вечно занят на работе. Да и вообще грозился куда-то улететь. Похоже, что так они и будут переписываться. По паре фраз в неделю.

Это было обидно, но уже почти не больно. На фоне всего остального Вика восприняла это уже как досадную мелочь. Чего-то подобного она и ожидала.

Вечером того же дня случилась истерика у Ангелины. Мало того что она не выбрала информатику в списке предметов и сегодня не попала в IT-класс – хотя у нее еще оставался шанс записаться на нее как на необязательный предмет, – но пообщавшись с теми, кто имел счастье посидеть за компьютерами, поняла, что вести блог таким образом у нее точно не выйдет, и максимум, может написать в мессенджер кляузу отцу. Фантазиям о том, что она напишет в этом сообщении и какие проблемы будут у школы, Ангелина посвятила все обеденное время. Вика так устала от этого, что демонстративно встала и пересела за стол к Белке.

Та искоса глянула на Вику, но ничего не сказала. Зато остальные токсиканы устали на чужую так, что стало неудобно.

– Ну как? Он вчера смог попасть за ту дверь? – спросила Вика шепотом.

– Кто? – удивилась Белка, приподняв одну бровь.

– Тот, кого ты просила это сделать.

Белка мельком глянула на остальных за столом. Вика поняла, что спросила не вовремя.

– Ты бредишь, – бросила Белка и отвернулась.

В это время в обеденный зал вошел Вадим Вадимович, держа за плечо Данилу, и довольно грубо втолкнул его внутрь, но тот не возмутился, а только усмехнулся и отряхнул рукав, словно глава охраны своим прикосновением мог его испачкать.

Данила вальяжно набрал себе еды и сел за стол к остальной элитке. Его о чем-то спросили, и его ответ вызвал крайнее оживление. Вика тут же подхватила свой недопитый сок и пересела обратно, чтобы послушать. Почувствовав на себе чей-то взгляд, обернулась – это была Белка. Она тоже очень хотела бы узнать, что случилось.

«Ну вот и сиди там со своими. Не у одной тебя есть интересные тайны», – злорадно подумала Вика.

– ...Да просто гулял не там, – продолжил свой рассказ Данила. – Решил обследовать территорию. Оказалось, и там есть зоны, куда заходить нельзя. Я, конечно, положил болт на эти все таблички. Там в углу территории за живой стеной из туй есть еще небольшой комплекс зданий. Я только в первое успел заглянуть. Как назло – это дом, где охрана живет.

– Ну ты, блин, везунчик, – ухмыльнулся Артемий, – нет бы как-нибудь мимо пройти...

– Вот ты и попробуй там погулять. Может, тебе больше повезет. Только вот что я тебе скажу. В домике охраны – человек двенадцать, не меньше, но и это не самое интересное. Там оружейная прямо в казарме. Чтобы в случае чего хватать автомат и бежать. И стволов там – на небольшую войну. Мне кажется, я даже гранатомет видел.

Аркадий тихо присвистнул.

– С кем они воевать-то собрались? Это же просто школа, – Артемий выпучил глаза от удивления.

– А я про что? В обычных школах два вялых чоповца на входе и все. А здесь отделение спецназа в полной боевой выкладке дежурит. Это вот на кой?

– Все страньше и страньше, – прокомментировал Аркадий.

– Школа строгого режима, мать ее, – раздраженно сказал Артемий. – Ну это мы еще посмотрим, хватит ли у них смелости соблюдать эти свои сраные правила всерьез!

– Хочешь повыпендриваться? – усмехнулся Аркадий, но Артемий ему не ответил.

После обеда впервые выглянуло солнце, и в свободное время, когда по расписанию нужно было заниматься «самоподготовкой», почти все вышли на улицу.

Территория у школы была гигантская. Гектара четыре, если не больше, где расположился и небольшой парк с уютными укромными скамеечками, и мини-лабиринт из высоких кустарников, и две уличные спортивные площадки – для воркаута и для игр с мячом.

Трепаться с девицами из элитки Вике сейчас особо не хотелось. Ангелина и вечно ходящая с ней парой Лика ее откровенно раздражали, Софья и Майя предпочитали тусить с парнями, а Микаэла, Лиза и Марина были настолько молчаливыми и замкнутыми, что Вика как-то пробовала заговорить с ними о пустяках, но тут же почувствовала себя приставучей дурой, которая мешает им многозначительно размышлять о жизни.

Поэтому Вика ушла в дальний конец парка, села на скамейку и подставила лицо солнышку. Лето закончилось, и хотелось уловить и запомнить эти последние теплые лучи, прежде чем небо затянут непрерывные осенние дожди. Хоть какие-то приятные моменты в этом мрачном месте.

Кто-то очень интенсивно пыхтел неподалеку и мешал расслабиться.

Вика открыла глаза.

Кажется, его звали Антоном. Это был, наверное, самый нелепый из токсиков: толстый – не полноватый, а именно откровенно толстый – невысокий парень с таким невероятным косолапием, что его ноги напоминали букву «Х». Ходил он, все время нелепо переваливаясь, как беременная утка.

Антон не видел Вику – она сидела очень тихо. Он ползал по земле вокруг какой-то штуки посреди солнечной поляны. То прикинул щекой к траве, глядя куда-то вверх в сторону солнца, то что-то записывал в тетрадку, смотря на тень. Усилия давались ему непросто, и парень очень интенсивно потел, постоянно пыхтел и при этом непрерывно что-то бормотал себе под нос, как Винни-Пух из советского мультфильма. Ее это достало, Вика встала и пошла прочь. Антон был очень увлечен своим занятием и вовсе и не заметил, что кому-то помешал.

В комнате ее непрерывно доставала Нина. Эта девица просто органически не умела молчать. Она говорила непрерывно, и ее вовсе не беспокоило, слушает ли ее вообще кто-либо. Если Вика не поддерживала тему, то Нина просто пересказывала впечатления дня, словно соседка была ее живым дневником, куда ей необходимо было регулярно вываливать все переживания. Причем ее не беспокоило даже то, что на части предметов Вика тоже присутствовала и рассказывать о них уж точно не имело смысла.

Обычно в таких случаях Вика засовывала наушники в уши и погружалась в музыку, но вот ведь беда – приложение на смартфоне не работало без интернета, а о том, чтобы скачать треки заранее, она не подумала. Да и было ли у нее время на то, чтобы подумать и подготовиться?

Пришлось встать с кровати и выйти из комнаты. Нину это несколько не смутило. Было ощущение, что она так и продолжит тараторить даже после того, как останется в одиночестве.

Вика спустилась на один этаж и в дверях столкнулась с какой-то девицей. Вроде бы ее представляли как секретаря директрисы, но вспомнить ее имя Вика совершенно не могла. Та от неожиданности выпустила из рук папку, и документы из нее рассыпались по полу.

– Извините, давайте помогу, – пробормотала Вика и начала собирать бумаги.

– Нет... не надо... – тихо запротестовала секретарша. Вика мельком взглянула на нее и удивилась: девушка выглядела испуганной. Непонятно почему – вряд ли она боялась, что на нее нажалуются за неаккуратность.

Вика невольно взглянула на документы. Это были приказы о зачислении в школу. По одному листку на каждого ученика и еще один, с общим списком.

Она сгребла все в одну пачку и протянула секретарше. И только в этот момент ее взгляд зацепился за дату: какого-то там июля.

И ее имя в списке: «Виктория Орлова».

Она машинально передала бумаги секретарше, та быстро засунула их в папку и убежала, а Вика осталась на лестнице, пытаясь осознать то, что увидела.

Приказ о ее зачислении в школу, подписанный более месяца назад. Тогда, когда мама была еще здорова, когда не могло быть и речи о том, что Вику собираются куда-то переводить из родной школы, в которой она обучалась с первого класса.

Как это вообще возможно?

Успокаивала мысль, что дело, возможно, в какой-то бюрократии и все эти документы просто составлены задним числом. Папа договорился о ее зачислении неделю назад, но, чтобы не нарушать какие-то там правила, приказ подписали июлем. Такое было возможно. Вика ухватилась за эту мысль, как за спасительную соломинку. Иначе она вообще не могла понять, что вокруг происходит.

По лестнице спустился Аркадий.

– Что скучаешь? Тоже соседка достала? – спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.